

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ХРОНОЛОГИИ И ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА*

История династии понтийских царей продолжает оставаться крайне дискуссионной – и это несмотря на то что сообщаемая античными авторами информация о происхождении Митридатидов и утверждении их у власти в целом намного более содержательна, нежели сведения о правящих домах других эллинистических монархий Малой Азии. Внимание исторической традиции к понтийскому царскому дому вполне понятно как исходя из значительной длительности периода активной государственной деятельности династии Митридатидов (что ярко отличает их, к примеру, от пергамских Атталидов), так и в силу особо важной исторической роли Понтийского царства при Митридате VI Евпаторе. Именно последнее обстоятельство существенно затрудняет работу с данными античных авторов, поскольку они, нередко связанные с лояльной в отношении Митридатидов традицией, несут на себе следы пропагандистской обработки, призванной возвысить понтийскую династию, удревнить ее происхождение и т.д. Эпиграфические и нумизматические материалы лишь отчасти способны помочь в разрешении возникающих противоречий, а чаще, напротив, порождают все новые и новые вопросы.

Список работ, в которых так или иначе затрагиваются и с различной степенью глубины и обстоятельности анализируются вопросы, являющиеся предметом данного исследования, весьма представитель¹, а круг упоминаемых в них

* Статья подготовлена и публикуется в рамках проекта РГНФ «Институты монархии в эллинистическом мире (V–I вв. до н.э.): Эволюция, региональные особенности, атрибутика» (№ проекта 05-01-01225а). Выражаю искреннюю признательность своим коллегам: А.А. Завойкину, в дискуссиях и совместной работе с которым оформились многие идеи, составившие основу данной статьи, а также А.С. Балахванцеву, С.И. Болдыреву, М.Ф. Высокому, В.И. Кацу, И.А. Ладынину, С.Ю. Сапрыкину за ценные консультации. Я глубоко благодарен В.В. Крапивиной (Киев), любезно ознакомившей меня с содержанием вновь обнаруженной надписи из Ольвии до ее публикации и высказавшей ряд полезных замечаний относительно основных положений данной статьи, и Я.-М. Хейте (Орхус), позволившему ознакомиться с текстом его доклада «The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I², 402) and its Implications», также еще не опубликованного, где были высказаны идеи, во многом совпадающие с изложенными в настоящей работе.

¹ См. основные исследования по этому вопросу: *Meyer Ed.* Geschichte des Königreichs Pontos. Lpz, 1879. S. 31–38; *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 29–32; *Geyer F.* Mithridates // RE. Bd XV. Hbd. 30. 1932. Sp. 2158–2159; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. II. Princeton, 1950. P. 1087–1088; *Olshausen E.* Pontos // RE. Splbd. XV. 1978. Sp. 398–404; *Burstein S.M.* The Aftermath of the Peace of Apameia. Rome and the Pontic War // AJAH. 1980. Vol. 5. P. 1–12; Die Inschriften von Kios // IK. Bd 31 / Hrsg. von Th. Corsten. Bonn, 1985. S. 26–30; *McGing B.C.* The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // RhM. 1986. Bd 129. Ht 3–4. P. 248–259; *idem.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 13–15; *Panitschek P.* Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // RSA. 1987–1988. Vol. XVII–XVIII. S. 73–95; *Leschhorn W.* Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros. Stuttgart, 1993. S. 74–95; *Ballesteros Pastor L.* Mitrídates Eupátor, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 23–26; *Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Impe-

проблем настолько обширен, что даже исследованию частных деталей сообщений источников и нюансам аргументации тех или иных положений в работах современных историков можно было бы посвятить отдельную работу. Тем не менее у нас имеется возможность высказаться и по кардинальным вопросам хронологии и генеалогии Митридатидов, которые раньше внимания исследователей почти не привлекали. При этом необходимо сразу же оговориться, что состояние источников не позволяет рассчитывать на окончательное разрешение всех проблем, связанных с теми или иными аспектами истории Понта. Цель данной работы состоит скорее в том, чтобы привлечь внимание специалистов к недостаточно изученным вопросам эллинистической истории, рассматривая их не изолированно, а в тесной взаимной связи, и, с другой стороны, критически осмыслить некоторые устоявшиеся в историографии положения.

Автор настоящей статьи при изложении и аргументации своих построений исходит из нескольких кажущихся принципиально важными тезисов, которые он будет стараться проиллюстрировать конкретными примерами.

1. В оформлении системы власти в новых государствах, возникших на территории Переднего Востока после распада империи Александра Великого, особую важную роль играли следующие политико-правовые акции: а) фактический приход к власти какого-либо правителя в домене, ставшем впоследствии ядром будущей державы; б) официальное провозглашение того или иного властителя царем; в) учреждение царской эры, связанной с каким-либо важным событием в истории династии, трактуемым как «начало» правления данного царского дома. При этом династические эры должны были строиться (с теми или иными вариациями) по определенным образцам, вырабатывавшимся преимущественно в период диадохов, и значительное отклонение от этих норм было едва ли возможным. Поэтому при «реконструировании» тех или иных систем летосчисления, по которым могли бы датироваться какие-либо источники, необходимо максимально широко использовать аналогии из истории других эллинистических государств.

2. Вышеназванные акции отнюдь не всегда были синхронными, в частности провозглашение царем часто происходило позже, чем фактическое начало пребывания у власти того или иного правителя, а учреждение эры нередко проводилось только после принятия царского титула, которое имело место позже, нежели точка отсчета эры. Яркий пример тому – введение эры Селевкидов².

3. Провозглашение царем или повышение властного статуса конкретного династа могло быть предпринято в результате различных мер. «В идеале» такого рода действия должны были осуществляться после победы над противником –

rialism. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 105–106; Kobes J. «Kleine Könige». Untersuchungen zu den Lokaldynastien im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr). St. Katharinen, 1996. S. 118–121; Лепер Р.Х. Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1902. Т. 8. Вып. 1/2. С. 158–164; он же. Херсонесские надписи // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 23–39; Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39–69; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 13–33; Молев Е.А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатидов // ВДИ. 1983. № 4. С. 131–139; он же. Митридат Ктист – правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо – 1982. Тбилиси, 1985. С. 581–589; наиболее подробно многие важные проблемы рассматриваются в монографии: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 17–38.

² Бикерман Э. Хронология древнего мира. Сретенск, 2000. С. 66–67; Mehl A. Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 138–147.

носителем царского титула; однако на практике поводом для принятия титула βασιλεύς могли послужить и иные события и основания (к примеру, победа над каким-либо другим врагом, династический брак с «вышестоящим» царским домом или даже просто соображения династического престижа – стремление не уступить в статусе своим соседям и соперникам)³.

4. Для эллинистических монархий смена царской эры была событием, по своему политическому значению сопоставимым с переменой герба, флага и гимна в современных государствах, и потому не могла происходить слишком часто⁴. Строго говоря, в эллинистическом мире известен лишь единственный (!) совершенно бесспорный пример перехода с одной такой системы летосчисления на другую⁵, имевший место именно в истории Понта в какой-то момент между временем заключения понтийско-херсонесского договора и введением в царстве Митридатидов вифинско-понтийской эры⁶ (подробнее об этом см. далее). Поэтому кажется разумным исходить при рассмотрении вопроса о династическом летосчислении из «принципа Оккама», предполагая минимально частую смену

³ «Это (провозглашение диадохов царями. – О.Г.) феномен социального порядка, пример “закона подражания”» (Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 14). Нет оснований сомневаться в том, что подобный же «закон подражания» должен был действовать и в отношениях между малоазиатскими династиями.

Весьма показателен также пассаж Плутарха: «Тогда (после принятия царского титула Антигоном Монофталмом и Деметрием. – О.Г.) Египет поднес царский титул Птолемею, – чтобы никто не подумал, будто побежденные лишились мужества и впали в отчаяние, – а дух соперничества (курсив мой. – О.Г.; τῷ ζήλῳ) заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра. Стал носить диадему Лисимах, надевал ее теперь при встречах с греками Селевк, который, ведя дела с варварами, и прежде именовал себя царским титулом» (Dem. 18; пер. С.П. Маркиша). Несмотря на то что эту информацию не следует воспринимать чересчур буквально (см. Кошеленко Г.А. Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 103), необходимо обратить внимание на последний фразу, где четко прослеживается различие в восприятии власти новых монархов греко-македонянами, с одной стороны, и представителями восточных народов – с другой (Журавлева Н.В. Предпосылки создания царского культа в государстве Селевкидов // ДВАМ. 2003. Вып. 6. С. 39).

⁴ В отношении греческих полисов ситуация складывалась иначе, чем с крупными монархиями: они, с одной стороны, были вполне свободны в выборе собственных систем летосчисления, связанных с какими-то локальными, но важными для полиса событиями (Leschhorn. Op. cit. S. 419). С другой стороны, при переходе городов из одного царства в другое в них следовало бы ожидать и смену эр в зависимости от политической конъюнктуры, что часто и происходило.

⁵ Имеется в виду перемена эр в государстве, сохранявшем непрерывность этнополитической и династической традиции. Использование так называемой «эры Евкратиды» (в сущности, просто датировки по годам его правления) в Греко-Бактрии, где она, очевидно, пришла на смену эре Селевкидов (Rapin C. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d’Ai Khanoum (Afghanistan) // BCH. 1983. T. 107. № 1. P. 369–370; Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 270–271) или функционирование в некоторых греческих городах Парфянского царства наряду с эрой Аршакидов «старого стиля» – селевкидской эры (ὡς δὲ πρότερον) (Бикерман. Хронология древнего мира. С. 66–67) – явления иного порядка, суть которых самоочевидна. См. также об использовании эры Селевкидов Тиграном II Армянским (прим. 113).

⁶ Я исхожу из того, что следует различать собственно «вифинскую эру», введенную в 297 г. Зипойтом после победы над Лисимахом и введением царского титула, и эру «совместную» – вифинско-понтийскую, т.е. ту, которая стала употребляться в Понте, по моему мнению, с 96/95 г., а впоследствии была распространена на Боспоре. Такая трактовка подразумевает, что нет оснований говорить об эре, функционировавшей в Понте непосредственно с 297 г. Аргументация будет представлена ниже.

различных эр и уделяя особое критическое внимание определению и трактовке тех событий, которые могли быть ее причиной.

5. Следует проводить различие между статусом правителей македонского и местного происхождения. Представители восточной знати, многое заимствуя из политического опыта диадохов, во-первых, все же первоначально не могли считать себя равнозначными им политическими фигурами, а во-вторых, не хотели полностью перенимать греко-македонские государственные институты в ущерб политическим традициям своих стран и народов⁷. В частности, если для македонских властителей приоритетным должно было быть признание «права копья»⁸, закрепляющее господство над той или иной территорией, то для малоазийских правителей определяющей была возможность апеллировать к своим исконным (иранским, фрако-анатолийским и пр.) государственно-правовым устоям. Представляется возможным говорить о «двуедином» отношении анатолийских династов к политической практике македонян, включавшем в себя элементы как заимствования, так и отрицания. Здесь наблюдается частный случай важной закономерности, проявлявшейся в тех регионах эллинистического мира, которые не были непосредственно завоеваны Александром и диадохами: восприятие греческого языка, культуры, институтов в них носило активный, но избирательный характер⁹, регулируясь в первую очередь политикой правящего дома.

6. Автором данной статьи уже было сформулировано применительно к раннеэллинистической Малой Азии понятие «анатолийское этнополитическое койне», которое объединяло многих местных династов; существенно важным элементом его следует считать «общее политико-правовое пространство»¹⁰.

⁷ Диадохи существенно реже использовали в своей пропаганде мотивы, почерпнутые из политической практики населения «своей» страны (речь идет, разумеется, о тех сатрапиях империи Александра, где каждый из них обосновался). См. исчерпывающий анализ самого показательного памятника: *Ладынин И.А.* К датировке и исторической интерпретации первой части «Стелы сатрапа» (*Urk. II. 12. 12–15. 16*) // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 2000. С. 178–200.* Ср.: «В клинописных документах царь (Антиох I. – *О.Г.*) именует себя “царь Вавилона”» (*Бикерман. Государство Селевкидов. С. 8*). Более подробно о «вавилонской составляющей» в государственной идеологии Селевкидов: *Scharrer U. Seleukos I und das babylonische Königtum // Zwischen West und Ost. Studien zur Geschichte des Seleukidenreichs / Hrsg. von K. Brodersen. Hamburg, 1999. S. 95–128.* Вместе с тем восточный элемент в структуре эллинистической монархии нередко вообще игнорируется, примером чего могут служить некоторые работы такого авторитетнейшего ученого, как Н.Дж.Л. Хэммонд; см., например: *Hammond N.G.L. The Continuity of Macedonian Institution and Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // Historia. 2000. Bd XLIX. Ht 2. S. 141–160.* Как крайность, впрочем, должна расцениваться и тенденция считать эллинистическую βασιλεία прямым «продолжением» восточной царской власти (*McEvan C.W. The Oriental Origin of Hellenistic Kingship. Chicago, 1934*).

⁸ Об этой политико-правовой категории см. *Müller O. Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973. S. 108–121; Mehl A. «Δορίκτης χώρα» Kritische Bemerkungen zum «Speererwerb» in Politik und Völkerrecht der hellenistischen Epoche // *AncSoc. 1981. Vol. 11/12. S. 173–212; Walbank F.W. Monarchy and Monarchic Ideas // CAH². Vol. VII. Pt I. 1984. P. 66; Самохина Г.С. Развитие представления о χώρα δορίκτης в эпоху эллинизма // *Античный полис. Л., 1979. С. 92–101.***

⁹ *Саркисян Г.Х. Эллинизм в Вавилонии и Армении // Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. М., 1994. С. 60–62.*

¹⁰ См. *Габелко О.Л. Царская власть в раннеэллинистической Малой Азии: истоки, сущность, правовое обоснование // Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 33–36.*

Именно поэтому я намереваюсь рассматривать спорные моменты хронологии и династической истории Митридатидов в тесной связи с событиями, происходившими в конце IV – начале III в.¹¹ в сопредельных районах Малой Азии: деятельность правителей Великой Каппадокии, Вифинии, Пергама имела немало общих черт с политикой понтийской династии и потому позволяет лучше понять ее.

7. Реальная политическая действительность эпохи эллинизма была чрезвычайно сложной и могла порождать ситуации, не укладывавшиеся в приведенную здесь схему. Поэтому надеяться на получение исчерпывающих ответов на все вопросы, связанные с династической историей, генеалогией и пропагандой понтийских царей (равно как и других эллинистических династий), пока не приходится.

Отправным пунктом для выдвижения и обоснования идей, излагаемой далее, является крайне интересная статья австралийских ученых А.Б. Босворта и П. Уитли¹², оставшаяся, к сожалению, малозамеченной другими историками¹³. Имеет смысл кратко воспроизвести здесь некоторые положения этой работы, имеющие принципиальное значение для формулирования предлагаемой далее гипотезы.

Исследователи доказывают, что родовым доменом Митридатидов являлись не Киос и еще какой-то город «Аррина», название которого искажено в рукописной традиции (вместо этого предлагались названия других малоазийских полисов – Мирлеи, Мирины, Карины, что, впрочем, оставляет много нерешенных вопросов), в данном случае владения этого знатного рода были бы чересчур незначительными¹⁴, а Мисия в целом, тогда конструкция фразы Диодора ἀνεῖρεθῆ περὶ Κίον τῆς Μυσίας, ἄρξας αὐτῆς (XX. 111. 4) приобретает именно такой смысл, если соотносить местоимение αὐτῆς с названием страны, а не города¹⁵. Другой частью владений Митридатидов была располагающаяся на восток от Мисии и Вифинии Мариандиния, именно это название австралийские ученые предлагают восстановить вместо испорченного «Аррина»¹⁶. Таким образом, родовая вотчина Митридатидов включала в себя весьма обширные, стратегически и экономически важные территории с многочисленным населением.

А.Б. Босворт и П. Уитли уточняют генеалогию Митридатидов¹⁷. Для рассматриваемых здесь сюжетов важно то, что Митридатом Ктисом, основателем династии, по их мнению, должен считаться Митридат, сын Ариобарзана (Plut. Dem. 4), а не Митридат, управлявший Мисией (Киосом, как считалось раньше) и убитый в 302 г. по приказу Антигона (Diod. XX. 111. 4). Митридат – правитель Мисии соответственно приходился Ктису дядей¹⁸.

¹¹ Здесь и далее все даты – до н.э.

¹² Bosworth P.B., Wheatley P.V. The Origins of the Pontic House // JHS. 1998. 118. P. 155–164.

¹³ В упоминавшейся работе Я.-М. Хейте основные положения этой статьи рассматриваются и прямо не отвергаются, но определенного отношения к ним не высказано.

¹⁴ Другой важный аргумент – отсутствие свидетельств подчинения города персидским династам в двух сохранившихся киосских декретах IV в., в отличие, например, от находившихся под властью Гекатомнидов карийских полисов (Bosworth, Wheatley. Op. cit. P. 156).

¹⁵ Ibid. P. 156–157.

¹⁶ Ibid. P. 157–159.

¹⁷ Оставляю в стороне оригинальную трактовку авторами возможных связей понтийской династии с Ахеменидами (Ibid. P. 159–160).

¹⁸ Ibid. P. 160–162 и генеалогическая таблица (p. 162).

И наконец, самое главное. По мнению исследователей, бегство Митридата от Антигона Одноглазого состоялось не в 302 г., как считают практически все исследователи¹⁹, а в 315/314 г. или около того²⁰. Основаниями для такого вывода служат, во-первых, совершенно недвусмысленное указание Плутарха на то, что Деметрий в это время был еще молод и потому вынужденно подчинялся отцу (чего не могло быть в 302 г., когда он уже был вполне самостоятельной политической фигурой); во-вторых, наблюдение авторов, что после кампании 315–314 гг. по осаде Тира²¹ Антигон и Деметрий довольно редко действовали совместно, а в 302 г. они наверняка не находились вместе²².

На мой взгляд, А.Б. Босворту и П. Уитли удалось создать целостную и в общем непротиворечивую картину событий истории Митридатидов в IV – начале III в. с точки зрения хронологии, исторической географии и генеалогии. Кажется логичным применить полученные исследователями результаты при рассмотрении еще одной сферы династической истории понтийского царского дома, а именно: введении собственной династической эры. *Основной идеей данной работы является предположение о функционировании в Понтийском царстве на протяжении III – начала I в. системы летосчисления, восходящей приблизительно к 315 г. и условно называемой мною «эрой Кимиатены».* Приведу основные аргументы в пользу ее существования.

А priori принятие за начало отсчета по понтийской царской эре прихода Митридата Ктиса к власти в Кимиатене выглядит весьма вероятным, так как в точности следует той же логике, что и учреждение эры Селевкидов: утверждение власти родоначальника династии в «коренных» владениях правящего дома (и при этом βασιλεία понтийских царей оказывалась даже немного старше селев-

¹⁹ Обычно рассказ Плутарха о бегстве Митридата с помощью Деметрия ставится в зависимость от сообщения Диодора об убийстве Митридата – «правителя Киоса» (т.е., как было указано, выше Мисии).

²⁰ Датировка появления Митридата Ктиса в Пафлагонии не 302-м, а 315-м годом изредка появлялась в науке и ранее, к примеру, ее придерживался Е.А. Молев (К вопросу... С. 137), хотя целиком его аргументацию я принять не могу. В частности, крайне сомнительными кажутся принимаемая им вслед за Р.Х. Лепером конъектура περί Κτισία вместо περί Κίον и делаемый на ее основе вывод о том, что Митридат Ктис был убит уже в Кимиатене (там же). В этом случае, если, по мнению исследователя, «Антигон имел полную возможность расправиться с изменником», становится непонятным, зачем вообще Митридату нужно было бегство в Пафлагонию, коль скоро он не обеспечил с его помощью собственной безопасности. В более поздней работе Е.А. Молев (Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 9–10) не уделяет хронологии событий специального внимания. Упоминает мельком возможность того, что «отправной точкой эры надо бы считать 315 или 302 г.» (правда, полемизируя с этой мыслью) и С.Ю. Сапрыкин (Ук. соч. С. 27).

²¹ Симптоматично, что к осаде Тира, судя по всему, могли быть привлечены силы и других малоазийских правителей, например, тирана Гераклеи Понтийской Дионисия (Memn. FGrH 434, F 4. 7).

²² Bosworth, Wheatley. Op. cit. P. 162–164. Авторы оставили без внимания, пожалуй, лишь один аспект реконструируемых ими событий: бежать в Пафлагонию из-под Тира Митридату было бы несравненно сложнее, чем из Киоса, так как ему пришлось бы проделать примерно в три раза больший путь. Это возражение серьезное, но непреодолимых проблем оно, кажется, все же не создает. Митридату и его спутникам было необходимо достичь Тарса в Киликии (это относительно недалеко от Тира), откуда шла кратчайшая прямая дорога в Пафлагонию и Понтийскую Каппадокию. Геродот сообщает даже, будто бы пеший путь от Иесского залива до Амиса занимает всего 5 дней (I. 72); однако эта информация недостоверна (Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.–Л., 1956. С. 14–15).

кидской и вифинской, что, без сомнения, должно было значительно повысить авторитет Митридатидов в масштабах Малой Азии и эллинистической ойкумены в целом). На особое значение бегства Митридата в пафлагонские владения для истории понтийской династии косвенно указывает и то обстоятельство, что именно это событие является чуть ли не единственным эпизодом долгой политической карьеры Митридата Ктиса, получившим достаточно подробное освещение в античной традиции²³, причем с четко выраженными пропагандистскими «оттенками»²⁴. Если же возводить начало понтийского летосчисления либо к приходу к власти в Киосе отца Митридата Ктиса, либо к воцарению Дария III в державе Ахеменидов (об этом см. далее), то окажется нарушенным один из основополагающих принципов учреждения царских эр эпохи эллинизма, связывающих начало отсчета с деятельностью именно того правителя, который принял царский титул (что, как кажется, может быть прослежено на примере Селевкидов: см. выше, Птолемея²⁵, Вифинии²⁶ и отчасти Парфии²⁷).

²³ Митридат I, кроме этого, упоминается в античной традиции лишь дважды и очень кратко: к нему в 280 г. обратились гераклеоты, намереваясь создать коалицию против Селевка (*Memn. FGrH* 434, F. 7. 2), а несколькими годами позже он совместно с сыном-соправителем Ариобарзаном и галатами разгромил птолемеевский десант (*Steph. Byz.*, s.v. (Ἀρχύρα = *Apollod. Aphrod.* *FGrH* 740 F. 14).

²⁴ Сообщение о том, что Антигон Монофталм якобы увидел сон, предвещающий будущее величие Митридата (*Plut. Dem.* 4; *App. Mithr.* 9) – очевидное *vaticinatio post eventum* (*Bosworth, Wheatley. Op. cit.* P. 163). Весьма показательно, что и Селевк I будто бы тоже получал знамения о своем будущем царском достоинстве накануне прихода к власти в Вавилонии (*Diod. XIX.* 90. 3–5); см. об этом подробнее: *Mehl. Seleukos Nikator...* S. 95–103. Следование понтийских правителей селевкидской пропагандистской схеме выглядит, таким образом, весьма недвусмысленным и в этом аспекте. Возможно даже, что оба эти топоса восходят к одному и тому же автору – Гиерониmu из Кардии (*Hadley R.A. Hieronymus of Cardia and Early Seleucid Mythology // Historia.* 1969. Bd XVIII. Ht 1. P. 142–152; *idem. Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS.* 1974. 94. P. 50–65; особ. 56–57, 64.

²⁵ «Эра Птолемея», отсчет лет по которой появляется эпизодически на птолемеевских монетах III–II вв., восходит к 311/310 г. и связана со становлением «Египта как независимого государства в рамках восходящей к деятельности Александра Великого политической традиции» (*Ладынин. Ук. соч.* С. 198. Прим. 48 – с критически осмысленной литературой). Очевидно, она была введена уже после того, как Птолемей I Сотер провозгласил себя царем.

²⁶ Строго говоря, нет полной уверенности в том, что сам Зилогт одновременно с принятием титула царя в 297 г. учредил «вифинскую» царскую эру: теоретически это ретроспективно мог сделать кто-то из его преемников, так как первая надпись, датированная по ней, декрет в честь царского эписбата из Прусы Олимпийской, появляется лишь в начале II в. Однако первый вариант выглядит все же более вероятным.

²⁷ Относительно эры Аршакидов можно заметить, что впервые датировка по ней (125 г.) появляется на монетах Артабана I (*Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia. L., 1980. P. 62*). Эта система летосчисления, судя по всему, была введена «задним числом» кем-то из парфянских царей, а ее началом, вероятно, следует считать приход к власти в Парфии (правда, номинальный) Аршака I (247 г.). О сомнениях принял ли сам Аршак царский титул, см. *Балахванцев А.С. Селевк II и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. I. Казань, 2000. С. 208–211*. Необходимо, однако, отметить, что становление парфянской государственности происходило много позже, чем образование монархий Малой Азии, в другом регионе и в условиях иного социально-экономического уклада – кочевого (хотя также в основном в рамках иранской традиции, отчасти прижившейся и в некоторых областях Анатолии), чем и могут объясняться некоторые его специфические черты. Помимо этого, я не уверен, что возможна ситуация, когда наследник умершего правителя (в данном случае Митридат I Парфянский) на своих монетах помещал бы легенду, содержащую царский титул и имя предшественника, если бы в реальности тот этим титулом не обладал (Там же. С. 208). Возможно, «царские» монеты самого Аршака еще не обнаружены.

Далее: при локализации наследственного домена Митридатидов в Мариандии становятся вполне понятными и те основания, которые позволили Митридату Ктисту провозгласить себя царем одновременно с Зипойтом Вифинским в 297 г.²⁸; этому способствовала естественная географическая близость владений

²⁸ Этой датировки придерживаются: *Meyer Ed. Op. cit. S. 39; Ломоури. Ук. соч. С. 31–33; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 43; Kobes. Op. cit. S. 119.* Развернутому доказательству того, что принятие царского титула Митридатом I (а возможно, и Спартоком III Боспорским) могло произойти сразу вслед за аналогичной акцией Зипойта, посвящена специальная работа: *Габелко О.Л., Завойкин А.А.* Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 74–81. Альтернативная точка зрения – датировка официального воцарения Митридата 281/280 г. (*Reinach Th. Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure. P., 1888. P. 95, 131–133; Magie. Op. cit. П. Р. 1087; Olshausen. Op. cit. Sp. 403; McGing. The Foreign Policy... P. 19; Billows. Op. cit. P. 106; Перл. Ук. соч. С. 65–67*) основана на «препарировании» данных «Хронографии» Синкелла. Критика этого взгляда: *Ломоури. Ук. соч. С. 28–31; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 43;* наиболее подробно: *Габелко О.Л.* Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. 2004. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 86–106. К чисто хронологическим соображениям может быть добавлено и то, что смерть Лисимаха, с которой предлагается связывать провозглашение Митридата I царем, вряд ли имела для Понта столь важное значение: притязания Лисимаха в форме конкретной военно-политической экспансии едва ли простирались сколько-нибудь далее на восток от Гераклеи (*Макгинг Б.* На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1998. № 3. С. 99) (точнее, до Амастрии), а в виде намерений – самое большее до Синопы (*Виноградов Ю.Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы Международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: экономика, политика, культура». Севастополь, 1992. Севастополь, 1995. С. 26). На внутренние регионы Пафлагонии и Понтийской Каппадокии Лисимах никак не претендовал, и интересы Митридата его действиями ни в коей мере не затрагивались. Это отмечает в частности Г. Перл, хотя он и говорит о воцарении Митридата в 281/280 г. (*Ук. соч. С. 67. Прим. 130*).

Что же касается предположения, будто Митридат провозгласил себя царем в знак избавления от селевкидского контроля (см., например: *Meyer Ern. Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zurich-Leipzig, 1925. S. 116; Hind J.G.F. Mithridates // CAH². Vol. IX. 1994. P. 131*), то оно тоже неубедительно. Победу над полководцем Селевка Никатора Диодором в Каппадокии (*Trog. Proleg. 17*) мог одержать не Митридат (такое мнение абсолютно преобладает: *Magie. Op. cit. П. Р. 1087. Not. 6; Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhundert v. Chr. Wiesbaden, 1972. S. 38–40;* не столь определенно: *McGing. The Foreign Policy... P. 17. Not. 27*), а скорее Ариарат II Каппадокийский. Он с помощью армянского царя одержал победу над стратегом Селевка Аминтой, изгнав македонян из страны (*Diod. XXXI. 19. 5*), как показал М. Шоттки, ок. 281 г. (*Schottky M. Media Atropatena und Gross-Armenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 93–94*), и поход Диодора мог быть попыткой Никатора вернуть утраченное. Поскольку Трог поощает экспедицию Диодора после гибели Лисимаха, то сложно представить, как Селевк сумел бы предпринять военную акцию в Понте, уже лишившись хотя бы относительно надежного плацдарма в Великой Каппадокии. Стоит заметить, что ни Юстин, ни автор «Прологов» к труду Трога нигде не употребляют название «Каппадокия» применительно к Понту. Наконец, поводом к принятию царского титула Митридатом Ктистом вряд ли могла стать и смерть Селевка I, так как Митридат, разумеется, никак не был к ней причастен. То, что на монетах Митридата I изображена Ника, отнюдь не обязательно должно расцениваться как символ какой-то военной победы (так считают, например: *McGing. The Foreign Policy... P. 19; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 48*), поскольку подобное изображение широко известно еще со времени Александра Великого и могло быть заимствовано понтийским правителем. Едва ли возможно, что и Зипойт, и Митридат одержали в одном и том же 297 г. победы над кем-то из диадохов.

вифинских правителей и будущей понтийской династии²⁹. Вообще же кажется резонным предполагать, что «эра Кимиатены» была введена самим Митридатом Ктисом именно вместе с принятием им царского титула вслед за Зипойтом Вифинским³⁰, т.е. понтийский правитель «творчески усвоил» и реализовал в этой акции опыт как македонских владык, так и своего малоазийского соседа. Важно, опять же, подчеркнуть, что понтийский царь стал отсчитывать собственную эру от даты, на 17 или 16 лет более ранней, нежели начальный год «вифинской» царской эры: пропагандистский смысл этой акции вполне очевиден.

Можно также предположить некоторую общность политических интересов понтийского и вифинского правителей, связанную прежде всего с борьбой против Гераклеи Понтийской³¹, что могло отчасти породить и сходство политико-правовых институтов в двух молодых монархиях. К тому же Кимиатена была расположена относительно неподалеку от Мариандинии³², тогда как бегство Митридата в эту область из Киоса оставляет неясным, почему его мог привлечь именно этот довольно удаленный и незначительный в экономическом и политическом отношении район. Более закономерным выглядит и процесс усиления Митридата и расширения его владений (Diod. XX. 111. 4; App. Mithr. 9; Strabo. XII. 3. 42), коль скоро он занял значительный промежуток времени – ок. 20 лет (с момента бегства в Кимиатену до провозглашения царем в 297 г.), а не вчетверо меньший срок (302–297 гг.).

Наконец, при рассмотрении вопроса о воцарении Митридата Ктиса исследователи абсолютно единодушны в том, что 36-летний период его правления (Diod. XX. 111. 4) следует отсчитывать от 302 г. Понятно, что, придерживаясь предлагаемого здесь варианта развития событий, эту уверенность сложно разделить, хотя такой точки зрения придерживаются также А.Б. Босворт и П. Уитли³³. Они исходят из предположения о том, что легитимации власти Ктиса способствовало оказание им помощи и установление дружественных отношений с Лиси-

²⁹ Вифиния и Мариандиния имели достаточно протяженную общую границу. См. подробнее: *Габелко О.Л.* Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 118–123. Данный фактор едва ли мог проявиться в том случае, если Митридатиды действительно правили только в Киосе: владения Зипойта в конце IV в. еще не примыкали к этому городу.

³⁰ Исследователи, придерживающиеся традиционного мнения о начале «эры Фарнака» или «эры Отанидов» в 336 г. (см. далее), не могут дать убедительного ответа на вопрос, кем именно из понтийских царей, когда и по какому конкретному поводу данное летосчисление было введено. Предлагаемая здесь гипотеза эту проблему полностью снимает.

³¹ Вифиния оставалась противником гераклеотов вплоть до воцарения Никомеда I в 280/279 г. (см. *Габелко*. Гераклея Понтийская... С. 114–124). Что же до Митридата, то в конфликт с Гераклесом вступил уже его одноименный прадед (*Just.* XVI. 4. 7; *Suda*. s.v. Κλέαρχος) видимо, владевший Мариандинией, а самому ему было необходимо добиться возвращения наследственного домена (см. прим. 32). О борьбе гераклеотов с соседями в конце IV в. могут свидетельствовать нумизматические материалы (*Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 84, 142. *Not.* 29). Наконец, очень показательна передача города Амастрии ее правителем Эвменом в 279 г. Ариобарзану Понтийскому, а не гераклеотам (*Memn.* FGrH 434, F 9. 4), явно в ущерб интересам последних.

³² Попытки Митридата закрепиться в самой Мариандинии были, очевидно, обречены на неудачу, так как в это время данная область (вероятно, в полном объеме) находилась под контролем союзника Антигона тирана Гераклеи Понтийской Дионисия, чья держава продолжала расширяться и усиливаться (*Memn.* FGrH 434, F 4. 4–5). См. *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 115–120; *Burstein*. Outpost... P. 72–80, 137–141.

³³ *Bosworth, Wheatley*. Op. cit. P. 164.

махом во время пребывания войск последнего в 302 г. на Салонийской равнине – в относительной близости от Кимиатены, а также из замечания Диодора о том, что Митридат Ктисст унаследовал власть (*δυναστεῖον διαδεξάμενος*) у Митридата, убитого Антигоном, опять-таки благодаря Лисимаху, от которого он будто бы получил во владение западные районы наследственного домена. Такая точка зрения, наверное, имеет право на существование, но у нее есть и слабые места. Во-первых, сложно представить, что Митридат Ктисст мог, пребывая уже 12 или 13 лет в Кимиатене, в полном смысле слова «наследовать» своему дядюшке (не отцу!), убитому у Кноса; возможно, Диодор в указанном пассаже просто имеет в виду очередность пребывания у власти старших представителей династии. Во-вторых, нарисованная австралийскими историками поистине идиллическая картина взаимоотношений Лисимаха и Митридата совершенно не подтверждена данными источников, в которых на сей счет вообще нет никакой информации; тем более сомнительно, что уже в том же в 302 г. царь Фракии сумел бы осуществить территориальные дарения Митридату, ведь этому мог пока еще воспрепятствовать Антигон Одноглазый. Поэтому следует попробовать определить иной хронологический рубеж, который мог бы считаться началом правления Митридата I.

Отсчитывать 36 лет от 315 или 314 г., однако, оказывается едва ли возможным: при этом получается, что Ктисст, проживший 84 года (Лис. Масгов. 13 – со ссылкой на Гиеронима из Кардии), должен был бы родиться много раньше, чем предполагалось ранее – ок. 367 г., а это делает слишком большой разницу в возрасте между ним и Деметрием, тогда как Плутарх называет их сверстниками (*ἡταῖρος ἦν αὐτοῦ καθ' ἡλικίαν καὶ συνῆτης*) (Dem. 4). Эта информация довольно противоречива³⁴, но едва ли возможно ее совсем игнорировать³⁵. Думается, правильнее было бы предложить считать годы правления Ктисста от момента принятия им царского титула, что, как я пытался обосновать выше, произошло в 297/6 г.³⁶ В таком случае смерть Митридата I и воцарение Ариобарзана придутся примерно на 261 г., что не противоречит данным наших источников³⁷. Тем

³⁴ См. попытки разобраться в сообщении Плутарха: Ibid. P. 163.

³⁵ Как поступает, например, Э. Ольсхаузен, следуя предположению Эд. Мейера (*Meyer Ed. Op. cit. S. 36*) о том, что в пассаже *Plut. Dem. 4* перепутаны между собой два Митридата – дядя и племянник (*Op. cit. Sp. 402*).

³⁶ «Статус» 302 г. вообще выглядит чрезвычайно неопределенным, так как он по всем данным не связывается ни с учреждением царской эры, ни с принятием титула царя Митридатом Ктисстом. Аналогия со «знаковыми» датами из истории вифинской династии при ближайшем рассмотрении оказывается лишь внешней. Мемнон, говоря о Зипойте Вифинском, указывает, что он жил 76 лет, из которых обладал властью 48, тем самым подразумевается отсчет непосредственно от 328/327 г., когда Зипойт наследовал своему отцу Басу (F. 12. 5), а не от принятия им царского титула в 297 г. Однако в правовом положении вифинского и понтийского правителей имелись некоторые различия. Первый из них обрел власть на территории, где наследственное правление его предков не прерывалось, как минимум, на протяжении более чем ста лет, так что после победы над Лисимахом произошло только «повышение статуса» Зипойта. Перипетии начала политической карьеры Ктисста, несмотря на высокое положение его предков, естественно, не давали столь определенных хронологических ориентиров, которые, видимо, были выработаны им только в 297/296 г., когда его держава уже значительно укрепилась.

³⁷ Если доверять переданному Лукианом сообщению Агатархида о том, что историк из Кардии прожил 104 года и до конца жизни «сохранил остроту всех чувств и безукоризненное здоровье» (Лис. Масгов. 22), то можно допустить, что его труд, вопреки распространенному мнению (см., например: *Кошелев Г.А.* Греция и Македония эллинистической эпохи // *Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма)*. С. 68) не прервался на описании смерти Пирра в 272 г. и охватывал период 260-х годов до н.э. Это верно, кстати, даже при традиционной датировке смерти Ктисста 266 г.

самым несколько ослабляется указанное выше противоречие: получается, что Ктисст родился в 345 г., и разница в возрасте между ним и Деметрием Полиорктом (род. в 337/336 г.) оказывается уже не столь значительной³⁸.

Итак, принимая за начало фактического существования независимого государственного объединения в Пафлагонии и Каппадокии Понтийской в правление Митридата I Ктисста и считая важным средством легитимации власти последнего введение им собственной эры с 315 или 314 г., необходимо попытаться найти подтверждение этому в эпиграфических источниках. Датированных надписей, связанных с историей Понта до эпохи Митридата VI, на сегодняшний день известно совсем немного, но интерпретация их до сих пор порождает множество вопросов³⁹.

Первый из названных памятников – знаменитый договор Фарнака I Понтийского с Херсонесом (IOSPE. I². 402), опубликованный Р.Х. Лепером⁴⁰. В нем содержатся сразу две датировки. Первая относит составление документа к пятнадцатому дню месяца Гераклия по принятому в Херсонесе мегарскому календарю (стк. 7). Вторая дата – месяц Даисий сто пятьдесят седьмого года, «как считает царь Фарнак» (ἐν τῷ ἑβδόμῳ καὶ πεντηκοστῷ καὶ ἑκατοστῷ ἔτει, μὴνὸς Δαϊσίου, καθὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ᾄχει) (сткк. 29–32). Известно, что месяц Даисий македонского календаря соответствует маю–июню, но точное определение года заключения договора и эры, которой пользовался Фарнак⁴¹, представляет собой непростую задачу.

До сих пор наиболее авторитетной (особенно в отечественном антиковедении) остается трактовка надписи, предложенная ее издателем Р.Х. Лепером и предлагающая отсчитывать 157 лет от 336 г., относя тем самым заключение договора к 179 году – году завершения войны Фарнака против коалиции малоазиатских царей, возглавляемой Эвменом II Пергамским (так называемая Понтийская война). Литература об этом конфликте и завершившем его договоре весьма обширна⁴², однако ввиду ограниченного круга источников, повеству-

³⁸ Более того, становится оправданным применение к 30-летнему Митридату Плутархом термина νεογένητος: так он называет Пизона Лициниана, который был годом старше к моменту его убийства (Galb. 19, 27) (Bosworth, Wheatley. Op. cit. P. 163. Not. 88).

³⁹ Необходимо сделать одно замечание методического порядка: при обращении к данным эпиграфики чаще всего встречается ситуация, когда тот или иной исследователь, блестяще проведя анализ какого-либо «отдельно взятого» памятника, к сожалению, пренебрегает целенаправленным сопоставлением его с иными эпиграфическими материалами и, тем более, с источниками других категорий. Хочу надеяться, что в данной работе мною представлена именно попытка комплексного подхода.

⁴⁰ Лепер. Херсонесские надписи. С. 23–39.

⁴¹ Говоря далее об «эре Фарнака», я лишь следую словоупотреблению херсонесско-понтийского договора и ни в коей мере не хочу вкладывать в данное словосочетание смысл, будто бы именно этот царь ввел указанную систему летосчисления.

⁴² Перечислю лишь наиболее важные работы: Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 27–35; Блатская Т.В. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. С. 158–160; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 186–199; он же. Понтийское царство. С. 71–82; Виноградов. Понт Евксинский... С. 36–37; Молев. Властитель Понта. С. 14–18; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 44–48; Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique. T. II. Nancy, 1982. P. 244–245; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybios. Vol. III. Oxf., 1979. P. 271–274; Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. 168 BC to AD I. L., 1984. P. 42–43; Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. II. Berkeley–Los Angeles–London, 1984. P. 553–554; McGing. The Foreign Policy... P. 25–31; Habicht Ch. The Seleucids and Their Rivals // CAH². Vol. VIII. 1989. P. 328–330.

щих об этих событиях⁴³, прийти к бесспорным выводам исследователям пока не удалось. Для цели данного исследования важно остановиться на отношениях Фарнака с херсонеситами, которые, очевидно, нужно рассматривать в контексте связей Понта с другими черноморскими полисами, только в этом случае можно прийти к какому-либо выводу относительно обстоятельств и времени заключения понтийско-херсонесского союза и соответственно начальной даты «Фарнакова летосчисления». Для этого придется более или менее подробно проанализировать некоторые дипломатические аспекты Понтийской войны⁴⁴.

Следует отметить крайнюю осторожность в высказываниях Р.Х. Лепера, отнюдь не настаивавшего на абсолютной верности своих предположений⁴⁵, которые обрели, однако, впоследствии в трудах других ученых статус почти что непреложных истин⁴⁶. Это прежде всего относится к датировке херсонесско-понтийского договора тем же 179 г., когда завершилась война Фарнака I против коалиции малоазийских царей. Между тем при ближайшем рассмотрении ответ на вопрос о времени создания этого документа выглядит далеко не столь однозначным.

Главное возражение против датировки договора маем–июнем 179 г. состоит в том, что она в сущности была предложена и укоренилась в историографии исходя из заманчивой возможности «привязать» заключение соглашения к конкретному событию – Понтийской войне, причем таким образом, чтобы в качестве начала отсчета по «эре Фарнака» фигурировал бы 337/6 г., когда, согласно Диодору (XVI. 90. 2), Ариобарзану, в Киосе, как считалось раньше, наследовал Митридат. Против той устоявшейся датировки можно выдвинуть несколько важных

⁴³ Это рассказ Полибия, фрагмент Диодора (XXIX. 23), два кратких сообщения Ливия (XL. 2. 6; 20. 1) и два эпиграфических документа – договор с Херсонесом и сходное, но, к сожалению, гораздо менее информативное ввиду плохой сохранности соглашение с Одессом (IGB I². 40). Остается непонятным мнение С. Трейси, полагающего со ссылкой на Bull. epigr. 1944. № 131, что последний договор следует относить к тому времени, когда Фарнак еще не был царем (Tracy S.V. Inscriptiones Deliacae: IG XI 713 and IG XI 1056: The Date of IG XI 1056 and Pharnakes I's of Pontos // MDAI(A). 1992. 107. P. 307. Отс. 15). Ввиду фрагментированности текста надписи подобный вывод, основанный на отсутствии царского титула перед именем Фарнака в стк. 5, кажется малообоснованным.

⁴⁴ См. краткое резюме: Габелко О.Л. Договор Фарнака Понтийского с Херсонесом: обстоятельства заключения и датировка (взгляд со стороны) // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Харьков, 2004. С. 54–55.

⁴⁵ «Наш договор подходит к событиям войны 183/182–180/179 гг. и, если не представляет из себя части договора, заключенного между воевавшими сторонами непосредственно после войны, то является договором, заключенным позднее в развитие условий мира 180/79 года (курсив мой. – О.Г.)» (Лепер. Херсонесские надписи. С. 32). К сожалению, исследователь в дальнейшем эту перспективную мысль никак не развивает. Возможность более позднего заключения договора допускал и Г. Перл, отмечая при этом смешение начала «эры Фарнака» (Перл. Ук. соч. С. 45. Прим. 33). Ср. отчасти сходное замечание: договор был заключен «скорее всего, вслед за общим соглашением; возможно (курсив мой. – О.Г.) еще в том же 179 г.» (Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья... С. 91). Уточнить хронологический аспект событий, к сожалению, не удастся, поскольку неизвестно, когда именно был заключен мир между Фарнаком и его противниками; Х. Хабихт полагает, что это произошло осенью 180 г. или весной 179 г. (Habicht. The Seleucids... P. 329).

⁴⁶ Эту точку зрения категорически отвергал Н.Ю. Ломоури (Ук. соч. С. 16–18), не предложивший, впрочем, собственного решения проблемы.

аргументов. Во-первых, едва ли Фарнак, только что потерпевший поражение в войне против Эвмена и его союзников, выплативший контрибуцию в 1200 талантов⁴⁷ и понесший другие потери (Polyb. XXV. 2. 3–15), был в состоянии активно вмешаться в состояние дел в Крыму и оградить Херсонес от натиска варваров. Это создало бы ему не меньше проблем, чем «война на два фронта», которую он был бы вынужден вести в случае существования более раннего союзного договора между Понтом и Херсонесом во время борьбы с Эвменом и его союзниками⁴⁸. В какой-то степени гарантом интересов граждан Херсонеса можно было бы считать только сарматского царя Гатала, также включенного в мирный договор 179 г. (Polyb. XXV. 2. 13) и наверняка дружественного Фарнаку⁴⁹, однако сам понтийский монарх вряд ли мог привлекать херсонеситов как правитель, способный выполнить эту функцию (хотя пункты договора, в которых говорится о взаимопомощи, носят весьма отвлеченный характер).

Относительно позиции включенных в договор 179 г. других греческих полисов – Гераклеи Понтийской, Месембрии и Кизика – тоже трудно высказаться с полной уверенностью. Распространенное мнение, будто бы все они пребывали на стороне Фарнака⁵⁰, как кажется, недостаточно обоснованно. Едва ли стоит сомневаться, что на стороне Эвмена выступил Кизик – наиболее верный и по-

⁴⁷ По итогам Второй Вифинской войны в 154 г. Прусий II был обязан заплатить Аталу II 500 талантов контрибуции в рассрочку на двадцать лет (Polyb. XXXIII. 13. 6; App. Mithr. 3), но в дальнейшем пытался избежать уплаты всей суммы (App. Mithr. 4), возможно, ссылаясь на финансовые трудности. Фарнак, как кажется, обязан был рассчитаться с Эвменом II, Ариаратом IV и Морзием Пафлагонским сразу же, что должно было бы поставить его в весьма непростую ситуацию – даже в том случае, если финансовые ресурсы его царства превышали вифинские.

⁴⁸ Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 190–191. Мнение о том, будто «археологические материалы показывают, что союз, заключенный с Фарнаком автономными полисами, привел к желаемым для них результатам: во второй четверти II в. агрессивности скифов был поставлен надежный заслон, и экономика Херсонеса стабилизировалась» (Виноградов. Понт Евксинский... С. 37 со ссылкой на: Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 131), представляет собой, очевидно, плод недоразумения: не только археологические материалы не дают основания для подобного вывода, но и в указанном месте монографии А.Н. Щеглова ничего подобного не говорится. У нас имеется достаточно оснований, чтобы усомниться в возможности сколько-нибудь активных действий Фарнака в Крыму и тем более в «экспансии его интересов в Северное Причерноморье, прослеживаемой в договоре с Херсонесом... которая могла быть расценена последующими римскими историками как настоящая аннексия Боспора Киммерийского...» (Ballesteros-Pastor L. Pharnaces I of Pontus and the Kingdom of Pergamum // Talanta. 2002–2001. Vol. 32–33. P. 64). Керкинитида и Калос Лимен, были утрачены херсонеситами только во второй половине II в. (Кутайсов В.А. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 82–83), так что «подвластная страна» могла сохраняться за ними вплоть до этого времени, что не исключает предлагаемой далее датировки договора 158 или 157 г.

⁴⁹ Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970. P. 19; Виноградов. Понт Евксинский... С. 37; о Гатале см. McGing. The Foreign Policy... P. 30; Molev E.A. Bosphoros and Chersonesos in the 4th–2nd Centuries BC // The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. P.G. Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. Aarhus, 2003. P. 213. Противоположное мнение, будто бы Гатал совершал нападения на Херсонес, будучи союзником Фарнака (см., например: Will. Op. cit. II. P. 243), совершенно не убедительно.

⁵⁰ Таков итоговый вывод статьи К.М. Колобовой (Ук. соч. С. 35); категоричная оценка о нейтралитете понтийских полисов в ходе войны дана С.Ю. Сапрыкиным (Понтийское царство. С. 78–79).

следовательный союзник Атталидов в первой половине II в.⁵¹ Гераклея Понтийская, хотя и могла иметь определенные противоречия с Пергамом и Вифинией из-за Тиоса⁵², разумеется, должна была опасаться понтийского царя, захватившего Синопу, Тиос и постепенно продвигающегося на запад⁵³. Хотя Фарнак имел дружественные отношения с Одессом, это отнюдь не гарантирует того, что его связи с расположенной неподалеку Месембрией имели аналогичный характер. Между полисами западного побережья Понта на протяжении III–II вв. происходило немало конфликтов⁵⁴, и участвующие в них стороны нередко стремились заручиться для борьбы с соседями поддержкой извне. При такой оценке союза между Одессом и Понтом категорично настаивать на существовании дружбы между Месембрией и Фарнаком к 179 г. едва ли возможно. Таким образом, предполагаемые позиции включенных в договор трех греческих полисов, видимо, не позволяют с уверенностью считать херсонеситов сторонниками Фарнака в 179 г., что будто бы и нашло свое выражение в заключении в этом же году союзного договора.

Другое обстоятельство, ставящее под сомнение отнесение договора Фарнака с херсонеситами непосредственно к моменту окончания Понтийской войны, связано с упоминанием в тексте дружбы с римлянами и обязательства ничего не принимать против них в качестве неперемного условия, налагаемого как на граждан Херсонеса (сткк. 3–5), так и на Фарнака (сткк. 26–27). Позиция Рима во время конфликта остается не вполне ясной. В целом дипломатическая деятельность сената, выразившаяся в отправке в Азию трех дипломатических миссий для выяснения положения дел и последующего урегулирования конфликта, мало чем отличалась от действий Рима в ходе только что завершившейся Первой Вифинской войны, направленных на поддержание в Анатолии равновесия политических сил⁵⁵. Исходя из этого, трудно представить, что в конце Понтийской войны сенат повел бы себя иначе, более или менее определенно встав на сторону одного из противников. Тем не менее в историографии (особенно отечественной) такие оценки не редкость⁵⁶.

Существуют, однако, и другие взгляды. Особенно привлекательно выглядит мысль Х. Хабихта, убедительно объясняющего, почему Синопа осталась за

⁵¹ Thornton J. Una città e due regine. *Eleutheria* e lotta politica a Cizico fra gli Attalidi e I Giulio Claudi // *MedAnt.* 1999. Vol. II. Fasc. 2. P. 497–538. Кизик поддерживал Аттала II во Второй Вифинской войне (*Polyb.* XXXIII. 13. 1), а также, вероятно, Эвмена I в ходе Первой Вифинской войны (XXII. 20. 8).

⁵² Burstein. *The Aftermath*... P. 9. Not. 12.

⁵³ McGing. *The Foreign Policy*... P. 29.

⁵⁴ См., например: Блаватская. Ук. соч. С. 107–116, 143–150; Виноградов Ю.Г. Военные конфликты на Понте с участием эллинистических греческих полисов из-за монопольных и территориальных притязаний // *Боспор и античный мир. Нижний Новгород*, 1997. С. 214–223.

⁵⁵ См. подробнее: Габелко О.Л. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 1. Казань, 2000. С. 226–248. Ср. с замечанием Э. Грюена относительно хода Понтийской войны: «(Римские) послы настаивали на удалении войск царя (Эвмена. – О.Г.) со спорной территории – не для того, чтобы принудить Эвмена, а с целью создания атмосферы, подходящей для ведения переговоров» (*Gruen.* Op. cit. II. P. 554. Not. 108).

⁵⁶ См., например: Сапрыкин. Понтийское царство. С. 76: «Мы вряд ли ошибемся, если охарактеризуем позиции Фарнака и Рима в означенной войне как проявление политического двурушничества или “негласный союз”». Как кажется, вероятность такой ошибки все же довольно велика.

Фарнаком: «Как кажется, Эвмен, поскольку его отношения с Родосом стали натянутыми⁵⁷, остался равнодушным к судьбе города, столь тесно связанного с родосцами»⁵⁸. Предполагать поэтому, будто Фарнак сумел сохранить господство над Синопой благодаря дипломатическому содействию Рима, едва ли оправданно. Быть может, не столь уж неправ А. Шервин-Уайт, несколько категорично считающий, что «заключительное соглашение, по которому Фарнак лишился всех своих завоеваний за исключением Синопы, было заключено без какого-либо вмешательства римлян»⁵⁹. Соответственно говорить об установлении «дружбы» между римлянами и Фарнаком сразу к моменту заключения мира было бы явно преждевременным; скорее это могло произойти значительно позднее, когда Фарнак, отойдя от прежней агрессивной политики, сумел доказать сенату свою лояльность⁶⁰. Это выглядит вполне понятным, если учесть резкую перемену в отношении Рима к малоазийским государствам и стремление сената жестко контролировать положение дел в Азии после победы в Третьей Македонской войне⁶¹.

Кроме того, сторонники датировки договора 179-м годом и соответственно начала «эры Фарнака» в 336 г. склонны попросту игнорировать возражения тех исследователей, которые указывали на еще одно серьезное противоречие в системе их взглядов. Действительно, если учитывать несоответствие между нача-

⁵⁷ Это произошло из-за попытки Эвмена установить морскую блокаду Геллеспонта, нанесшей ущерб торговым интересам родосцев (*Polyb.* XXVII. 7. 5).

⁵⁸ *Habicht. The Seleucids...* P. 329. Показательно также, что родосцы не участвовали в заключении мирного договора (*Gruen. Op. cit.* II. P. 554. Not. 109), вероятно, именно из-за трений с Эвменом. Совершенно неверно передает дипломатические детали конфликта Дж. Хайнд: «(Римские. – О.Г.) послы заботились о том, чтобы удалить влияние Фарнака из западной Малой Азии, выдворив его из маленького городка Тиоса, но они пренебрегли более удаленной Синопой» (*Hind. Op. cit.* P. 131). Во-первых, нет ровным счетом никаких данных о том, что римляне занимались выработкой таких деталей договора, более того, поскольку Тиос после войны перешел к Эвмену, можно предположить, что именно пергамский царь и решил вопрос с этим городом в свою пользу. Во-вторых, расстояние от Тиоса до Синопы не так уж велико, а значение этих городов несравнимо, так что фактор удаленности не мог сыграть здесь никакой роли: независимость Синопы стала жертвой «большой политики», но Рим едва ли имел к этому прямое касательство.

⁵⁹ *Sherwin-White. Op. cit.* P. 42.

⁶⁰ Дипломатические отношения между Римом и Фарнаком были установлены только в 183 г. Едва ли возможно предположить, что понтийский царь сразу же сумел заручиться поддержкой сената (хотя бы и хитро замаскированной) в ущерб интересам вполне надежного на тот момент римского союзника Эвмена.

⁶¹ Уместно провести аналогию с другими хронологически и типологически близкими событиями – Первой и Второй Вифинскими войнами. В конфликте между Пруссией I и Эвменом I (186–183) римляне предъявили виновному в развязывании войны вифинскому царю требование о выдаче Ганибалла, но нет свидетельства того, что они определяли детальные условия мирного договора (см. подробнее: *Габелко. Последствия Апапейского мира...* С. 237–243). В произошедшей спустя 30 лет войне Пруссия II против Атталы II развязка была иной: Полибий (XXXIII. 13. 4–10) и Аппиан (*Mithr.* 3) совершенно недвусмысленно указывают, что условия мира были продиктованы римскими послами. Этому существует и эпиграфическое подтверждение: в надписи OGIS 327 Аттал II обвиняет Пруссию в нарушении договора, заключенного при содействии римлян (ὁδὲ Ῥωμαίων γενομένων συνθηκῶν) (стк. 5). См. об этой войне: *Габелко О.Л.* Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2. Хрестоматия. С. 163–167. Очевидно, в таком контексте упоминание дружбы с римлянами в херсонесско-понтийском договоре лучше соответствует более позднему времени, чем 179 г., и 158 или 157 гг. в этом отношении выглядят вполне приемлемыми.

лом года по аттическому и македонскому календарям, то «аттический 337/6 и понтийский 336/5 годы не будут перекрываться. Таким образом, если приход к власти в Киосе Митридата II маркирует начало «эры Фарнака», то эта эра должна начинаться в 337/6 г., относя тем самым договор с Херсонесом на май 180 г., когда война с участием Фарнака еще продолжалась – маловероятное, если не невозможное время»⁶².

Приведя возражения против традиционной трактовки договора, в той или иной степени сходные с только что изложенными⁶³, американский историк С. Берстайн в 1980 г. предложил датировать документ по эре Селевкидов⁶⁴. В таком случае договор был заключен весной 155 г.

Мнение об использовании Фарнаком селевкидской эры постепенно становится преобладающим в западной историографии⁶⁵, но, к сожалению, отечественная наука до сих пор не предоставила сколько-нибудь эффективной его критики. Отмечу, что возражения, представленные против этой гипотезы С.Ю. Сапрыкиным⁶⁶, выглядят абсолютно неудовлетворительными: указанные авторы

⁶² McGing. *The Kings of Pontus...* P. 252. Е.А. Молев, впрочем, считает, что «предварительный» договор между Фарнаком и Херсонесом мог быть заключен еще до окончания войны, ок. 180 г., когда ход конфликта был для него достаточно успешным (Молев. Властитель Понта. С. 15–17; Молев. *Bosporos and Chersonesos...* P. 213). Однако и в это время Фарнак не достиг никаких серьезных успехов.

⁶³ В рукописи доклада Я.-М. Хейте содержится еще один пункт возражения против датировки договора 179 годом – хронология амфорных клейм, обнаруженных на территории херсонесской хоры. Его подробный разбор я оставляю в стороне, не будучи специалистом в этом вопросе; замечу только, что эти данные, при всей их несомненной важности, носят, на мой взгляд, все же вспомогательный характер. Кроме того, должна приниматься во внимание схема хронологии амфорных клейм самого Херсонеса Таврического, согласно которой прекращение производства клейменной керамической тары в городе относится примерно к 185 г. (Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 69–77), что свидетельствует о потере к этому времени практически всей хоры. Однако «бесспорная» датировка договора с Фарнаком именно 179 г. является одним из краеугольных камней всех построений В.И. Каца, при «изъятии» которого окажутся неизбежными кардинальные коррективы. Этот же принцип срабатывает и при определении времени чеканки херсонесских монет с именами магистратов Аполлодора и Гераклия (такие же имена встречаются в тексте договора – сткк. 8 и 11 соответственно, хотя это, разумеется, могут быть и омонимы): их выпуск В.А. Анохин относит примерно к 180-м–170-м годам (Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 145. № 159–160). В целом же необходимо констатировать, что локальные херсонесские материалы должны учитываться и анализироваться более целенаправленно и активно, чем это делается сейчас противниками датировки договора 179 г. Проведение такой работы должно стать одной из перспективных задач будущих исследований.

⁶⁴ Burstein. *The Aftermath...* P. 6–8.

⁶⁵ Leschhorn. *Op. cit.* S. 78–82; Gruen. *Op. cit.* I. P. 90. Not. 205; McGing. *The Kings of Pontus...* P. 253–254; *idem.* *The Foreign Policy...* P. 30.

⁶⁶ Сапрыкин С.Ю. [Рец.]: McGing B.C. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden, 1986 // ВДИ. 1990. № 2. С. 204–209; он же. Понтийское царство. С. 25–26. Весьма странно выглядит, к примеру, такой пассаж: «Часть ученых считает, что эта война (между Атталом II и Прусьем II; несколькими строками выше автор почему-то приводит в качестве начального года этого конфликта 159 г. до н.э., что не находит никакой опоры ни в источниках, ни в научной литературе. Вероятно, автор ориентируется здесь... на явную опечатку в книге Э. Вилля: *Op. cit.* II. P. 381. – О.Г.) началась в 156 г. до н.э. ... Если это так, то Фарнак I никак не мог заключить договор с Херсонесом весной 155 г. до н.э.» (? – О.Г.). В действительности же никакой связи между этими событиями не существует; Понт в лице Митридата вмешался в ход Второй Вифинской войны только зимой 155/154 г., так что Фарнак вполне мог править и заключать договоры весной 155 г., после чего его сменил на престоле Митридат IV.

не хуже него знают, что зимой 155/154 г. Фарнака уже не было на понтийском троне, однако это ничуть не мешает предположению о том, что семью-восемью месяцами ранее он еще оставался царем и мог заключать договоры⁶⁷.

К этой критике присоединился также Ю.Г. Виноградов⁶⁸. Его аргументы более весомы и сводятся к тому, что со столь кратким периодом правления Митридата IV, который охватывает время ок. 155–152 гг.⁶⁹, трудно увязать монетную политику этого царя, выпускавшего монеты различных типов как от своего имени, так и совместно с сестрой Лаодикой. Кроме того, по мнению исследователя, в этот интервал должен укладываться и чекан Лаодики, осуществлявшийся после смерти ее брата-мужа и соправителя. Это мнение выглядит вполне резонным, его необходимо принимать в расчет также в случае предлагаемой мною датировки и херсонесско-понтийского договора, и декрета из Абонутейха по одной и той же системе отсчета – «эре Кимнатены», что также предполагает довольно краткий период правления Митридата IV. Однако считать это возражение решающим едва ли возможно⁷⁰.

Рассмотрим подробнее данные о чекане Митридата IV. Прежде всего необходимо отметить, что на фоне до сих пор необъясненной скудости чекана Митридата V Эвергета он выглядит достаточно активным. На данный момент известны уникальный золотой статер с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ⁷¹, три экземпляра тетрадрахм с портретом Митридата и Лаодики и легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΚΑΙ || ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΛΑΟΔΙΚΗΣ | ΦΙΛΑΔΕΛΦΩΝ⁷² восемь серебряных тетрадрахм с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ || ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ | ΚΑΙ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ⁷³. Представляется, что ситуация с эмиссиями разнообразных монет Митридатом IV и Лаодикой может быть объяснена крайне сложным положением в Понте после смерти Фарнака, когда брат умершего царя занял престол в обход его сына. О конкретных деталях этих событий, равно как и об их юридической стороне, мы, к сожалению, ввиду отсутствия других источников можем лишь догадываться. Но не подлежит сомнению, что Митридат IV остро нуждался в легализации собственного воцарения. Если типы его монет входили в обращение именно в таком порядке, как они перечислены выше⁷⁴, то золотой статер может рассматриваться как донативное средство, выпущенное сразу же по воцарении Митридата IV после смерти брата⁷⁵. Затем, стремясь уп-

⁶⁷ См. аргументацию: McGing. *The Kings of Pontus...* P. 253–254.

⁶⁸ Bull. epigr. 1990. № 559. P. 548–549. Ср. также Callatay F. de. *L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 70. Not. 12.

⁶⁹ Верхняя хронологическая граница получена при датировке по селевкидской эре надписи из Абонутейха, относящейся уже к правлению Митридата V. Подробнее об этом см. далее.

⁷⁰ См., в частности, осторожное возражение Б. Макгинга (Уж. соч. С. 109. Прим. 68). Аналогичное мнение высказано и в работе Я.-М. Хейте.

⁷¹ SNG. Deutschlands. Sammlung v. Aulock. H. I. Taf. I, 4.

⁷² WBR. I². F. I. P. 13. № 8. Pl. I, 14. Кроме того, недавно Г. Маттингли атрибутировал Митридату IV три тетрадрахмы, которые раньше приписывались Митридату III (*Mattingly H.B. The Coinage of Mithridates III, Pharnakes and Mithridates IV of Pontus // Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price / Ed. R. Ashton, S. Hunter. L., 1998*).

⁷³ WBR. I². F. I. P. 13. № 8. Pl. I, 11–12; Pl. Suppl. A, 7.

⁷⁴ *Mattingly*. Op. cit. P. 255–256.

⁷⁵ Г. Кляйнер считал этот выпуск посмертным, выпущенным Лаодикой в честь памяти покойного брата (*Kleiner G. Pontische Reichsmünzen // IstMitt. 1955. Bd VI. S. 14. Taf. 11, 12*), однако Г. Маттингли отвергает эту точку зрения (*Mattingly*. Op. cit. P. 255). Возможно, что выпуску статера предшествовала чеканка тетрадрахм, по-новому интерпретированных исследователем.

рочить свою власть и демонстрируя лояльность памяти умершего Фарнака, он принял тронное имя Филадельф, после чего (с той же целью) женился на собственной сестре, и, наконец, присвоил еще один почетный эпитет – Филопатор⁷⁶. Такой характер чекана Митридата IV позволяет расценивать его как единый комплекс экономических и пропагандистских мероприятий, осуществлявшихся для легитимизации собственного правления, видимо, в течение весьма непродолжительного времени.

Что касается тетрадрахм, чеканенных от имени одной «царицы Лаодики», то они вряд ли могут расцениваться как показатель регентства таковой над Митридатом V: после смерти отца и дяди он едва ли был столь молод, чтобы не править самостоятельно⁷⁷. Последнее обстоятельство делает более обоснованной точку зрения, согласно которой монеты с легендой «царицы Лаодики» чеканились не сестрой Фарнака и Митридата IV в течение какого-то времени до прихода к власти Митридата V Эвергета, а спустя более чем тридцать лет вдовой последнего, фактически управлявшей страной после его убийства в 121 г.⁷⁸ В пользу этого мнения свидетельствует то, что вряд ли Лаодика Филадельфа могла отказаться от тронного имени, появляющегося на тетрадрахмах, чеканенных ею совместно с Митридатом IV, а также и весьма отдаленное сходство женских лиц на этих монетах и на тетрадрахмах «царицы Лаодики»⁷⁹. Следовательно, чекан Лаодики, как мы полагаем, не может относиться к 150-м годам, а активную монетную политику Митридата IV⁸⁰ следует объяснять непростой династической ситуацией, сложившейся в Понте после смерти Фарнака.

⁷⁶ Быть может, последовательный переход от «супружеских» тетрадрахм к монетам Митридата с двойным титулом вызван тем, что его сестра и соправительница ко времени выпуска последних уже умерла? При таком допущении вопрос о регентстве Лаодики над Митридатом IV, разумеется, целиком и полностью снимается.

⁷⁷ В надписи ID 1555 Лаодика названа сестрой царя Фарнака и Митридата, т.е. о притязаниях ее на власть (по крайней мере к моменту создания ее статуи на Делосе) говорить не приходится. Видимо, Фарнак в это время еще был жив. Г. Маттингли датирует эту надпись временем после передачи Делоса Афинам в 167 г. (*Mattingly. Op. cit.* P. 256). Если брак между Фарнаком и Нисой, упоминаемый в делосском декрете, был заключен до 195 г. до н.э., как это доказывает С. Трейси (см. далее), то крайне маловероятно, что их сын Митридат был еще юным спустя примерно 40 лет.

⁷⁸ *Reinach. Mithridate Eurator...* P. 478. См. обзор мнений: *Сапрыкин. Понтийское царство. С. 90*; аргументы в пользу Лаодики – матери Митридата Евпатора: *Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 240. Как символ вдовства можно расценивать платок, полностью скрывающий прическу царицы (в отличие от изображения на «супружеской» тетрадрахме). Акцентирование этой детали могло быть предпринято Лаодикой с целью отведения подозрений в причастности к убийству Митридата Эвергета (см. далее).

⁷⁹ Единственный аргумент в пользу идентификации этой «царицы Лаодики» с сестрой Фарнака и Митридата является сходство фигуры Геры на реверсе ее монеты с аналогичной фигурой на «супружеской» тетрадрахме (*Сапрыкин. Понтийское царство. С. 90*). Однако воспроизведение этой фигуры Лаодикой – вдовой Митридата V – могло быть вполне оправданным исходя из общего селевкидского происхождения одноименных цариц.

⁸⁰ Понтийский чекан вообще мог приобретать очень динамичный характер, приспосабливаясь к конкретным политическим обстоятельствам. Так, сын Митридата VI Митридат, правивший в Колхиде всего лишь в течение четырех лет (83–80) (*Дундуа Г.Ф. Монетные клады Грузии. Тбилиси, 1979. С. 117*), успел наладить выпуск собственной монеты как медной, так и серебряной. См. об этих монетах: Там же. С. 110–122; *Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.). Тбилиси, 1987. С. 35–38.*

Нужно отметить, что в случае принятия мнения об использовании Фарнаком эры Селевкидов мы столкнемся с довольно странной ситуацией. Получится, что Понтийское царство на всем протяжении своей истории вообще не имело собственной, «автохтонной» царской эры, поскольку его цари сначала вели счет лет по селевкидской, а затем – по вифинской системе! Едва ли такое положение дел могло удовлетворить гордых Митридатидов – представителей рода, восходящего к Ахеменидам, подчеркивавших иранские корни своей династии и властвовавших над обширными территориями в Малой Азии на протяжении многих поколений. К тому же принятие эры Селевкидов оправданно было бы связать с установлением брачно-династических связей между двумя царскими домами, которое имело место ок. 240/239 г., поскольку до того отношения между Понтом и Селевкидами, хотя и обнаруживали тенденцию к улучшению⁸¹, не были особо тесными. К этому времени становление Понтийского царства как независимого государства уже давно состоялось, и столь позднее обретение царской эры (пусть даже заимствованной) выглядит не слишком понятным. Наконец, использование селевкидской эры в Понте в течение более чем 90 лет после упадка военно-политической мощи Сирийского царства (если отсчитывать от Апамейского мира 188 г.) также не могло служить вящей славе Митридатидов.

Не принимая ни поддерживаемой большинством отечественных специалистов идеи Р.Х. Лепера, ни мнения об использовании в Понте селевкидской эры, С.Ю. Сапрыкин в своей капитальной монографии развил концепцию относительно существования так называемой «эры Отанидов», по которой будто бы и датирован понтийско-херсонесский договор. Начало отсчета по ней он связал с воцарением на персидском престоле в том же 336 г. Дария III, потомка одного из «семи персов», к которому якобы возводили свою родословную Митридатиды⁸². «Эра Отанидов», по мнению ученого, являлась важным пропагандистским средством, позволяющим понтийским царям рассчитывать на возвращение своих «исконных» владений в Мисии, Малой и Великой Фригии военным либо дипломатическим путем – в зависимости от ситуации. Однако уязвимые места ее очевидны.

Во-первых, Дарий III едва ли мог быть столь популярной фигурой, чтобы связывать с его приходом к власти начало отсчета лет правления понтийской династии⁸³, тем более, что именно с его именем связывается крушение ахеменидской государственности, которое должно было еще восприниматься представителями персидской знати в конце IV – начале III в. как болезненный факт относительно недалекого прошлого. Во-вторых, само родство Митридатидов с Дарием III не может считаться надежно доказанным⁸⁴; рассуждения автора о генеалогии предков понтийских царей и других малоазийских сатрапов вообще довольно произвольны⁸⁵. Гипотезы С.Ю. Сапрыкина о «более агрессивной» и «менее аг-

⁸¹ McGing. The Foreign Policy...

⁸² Сапрыкин. Понтийское царство. С. 29–34.

⁸³ Молев. Властитель Понта. С. 17.

⁸⁴ Он же. [Рец.]: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996 // ВДИ. 1998. № 4. С. 209.

⁸⁵ Один пример: исследователь подчеркивает, что он ни в коем случае не считает «бесспорным предлагаемое... родство Митридата, правителя Киоса и Аррины в 337–302 гг. с царем Дарием III благодаря браку с дочерью последнего» (Сапрыкин. Понтийское царство. С. 29–34, 38). Однако именно это «небесспорное» допущение является одним из краеугольных камней в его гипотезе об «эре Отанидов». См. также генеалогическое древо Ахеменидов, Отанидов и Митридатидов (Там же. С. 37), восстановленное с исчерпывающей подробностью, но едва ли достоверное во всех деталях.

рессивной» эрах⁸⁶ отдают явной модернизацией; наконец, и это, пожалуй, самое главное, С.Ю. Сапрыкин с уверенностью констатирует, что Дарий III Кодомани вззошел на престол в 336 г., полностью игнорируя ту дискуссию, которая велась в науке по этому поводу уже более ста лет назад⁸⁷ и ныне не может быть не принята в расчет. Так, в наиболее основательном на сегодняшний день исследовании по истории Ахеменидов воцарение Дария III отнесено к концу 336 г.⁸⁸, т.е., видимо, уже не к 337/336, а к следующему 336/335 г. по македонскому календарю, в результате чего предлагаемая С.Ю. Сапрыкиным хронология рушится. В любом случае, этот вопрос требует специального рассмотрения, без которого гипотеза о существовании «эры Отанидов» не может считаться достаточно фундированной.

Все вышесказанное заставляет признать, что ни одна из существующих на сегодня трактовок договора Фарнака с Херсонесом не может считаться надежной основой ни для его точной датировки, ни для выяснения того, по какой именно эре «считает царь Фарнак». Очевидно, при анализе этого документа необходимы кардинально новые подходы. Именно такие возможности, как кажется, открываются при допущении, что в договоре задействована «эра Кимиятены». В этом случае его заключение приходится на 158 или 157 г., что, как кажется, ни в чем не противоречит сложившейся на тот момент в малоазийско-причерноморском регионе политической обстановке.

Другое важное эпиграфическое свидетельство – надпись из Абонутейха⁸⁹, небольшого городка на пафлагонском побережье⁹⁰. Это декрет в честь стратега Алкима, сына Менофила, принятый членами фратрии. Он датируется временем

⁸⁶ Там же. С. 35, 104. Здесь, кстати, присутствует прямая логическая неувязка: Митридат V, будто бы отказавшийся от «агрессивной эры Отанидов», совершает тем не менее «вторжение в Каппадокию, как будто это была чужая земля» (*App. Mithr.* 10), что завершается фактическим подчинением соседней страны; то обстоятельство, что Митридат V решил оставить Ариаратидов «в качестве своих ставленников» (по мнению С.Ю. Сапрыкина), принципиально ничего не меняет. Более того, факт незначительности монетного чекана Митридата V автор объясняет тем, что «выпуск монеты мог стать в глазах соседей и Рима символом притязаний на соседние территории» (! – О.Г.) (с. 104). Означает ли это, что каких-то земель в Малой Азии в это же время непременно домогались вифинские, пергамские и каппадокийские соседи и современники понтийского царя, которые ничуть не пренебрегали выпуском собственной полновесной монеты?! Для более раннего времени «агрессивному» Фарнаку С.Ю. Сапрыкиным приписывается желание – не больше и не меньше – свергнуть Ариаратидов (с. 101) в ходе войны 182–179 гг.; между тем Полибий и остальные источники ничего об этом не говорят, а само вторжение в Каппадокию, судя по всему, было осуществлено Фарнаком лишь на второй год войны (XXIV. 8. 2). Исследователь и сам отмечает это на с. 72: «Вряд ли следует согласиться с утверждениями, будто война началась с захвата Фарнаком Каппадокии».

Единственным примером использования царской эры для обоснования собственных экспансионистских планов следует считать, на мой взгляд, применение «вифинской эры» Митридатом Евпатором (см. далее), но С.Ю. Сапрыкин придерживается принципиально иного взгляда на эту акцию, считая, что «Митридат VI только воспринял эру, которая была введена до его прихода к власти» (Там же. С. 35).

⁸⁷ См. хотя бы: *Seeck. Dareios* (3) // *RE. Bd IV*. 1901. Sp. 2205–2206.

⁸⁸ *Briant P. Histoire de l'Empire Perse de Cyrus à Alexandre*. P., 1996. P. 1060.

⁸⁹ *Ленер. Греческая надпись...*; *Reinach Th. A Stele from Abonuteichos* // *NC*. 1905. Vol. 5. 4-th ser. P. 113–119; *Максимова. Ук. соч.* С. 197–199; *Leschhorn. Op. cit.* S. 78, 82; *Сапрыкин. Понтийское царство*. С. 207–211.

⁹⁰ Он был подчинен Понтийским царством, скорее всего, во время правления Фарнака (*Виноградов. Понт Евксинский...* С. 36).

правления Митридата Эвергета и месяцем Дием 161 г. некоей эры⁹¹ (βασιλευ-
οντος Μιθραδάτου Εβεργέτου ἔτους αἰρ' μηνὸς Δίου) (сткк. 1–3). Относитель-
но интерпретации этого памятника преобладает мнение, что надпись датирова-
на по «вифинской эре» и относится к октябрю 136 г.⁹² Тем не менее и здесь да-
леко не все ясно.

Убедительного объяснения того, по каким причинам кто-либо из понтийских монархов, правивших до 136 г. (сам Фарнак I, Митридат IV Филопатор Фила-
дельф или Митридат V Эвергет), мог перейти с «эры Фарнака» на «вифинскую
эру», никто из исследователей до настоящего времени так и не представил⁹³.
Политические контакты между Понтом и Вифинией на протяжении II в. (за
исключением последнего десятилетия) были не слишком интенсивными, так что
они едва ли могли предоставить какую-либо базу для использования «вифин-
ской эры» понтийскими монархами⁹⁴. Экономические же мотивы – будто бы
имевшее место желание Митридата V, по мнению Г. Перла, следовать «примеру
экономически сильного, известного в греческом мире своим финансовым могу-
ществом»⁹⁵ вифинского соседа, с тем чтобы единством летосчисления содейство-
вать экономическим сношениям»⁹⁶, о которых считают возможным говорить
некоторые исследователи, и вовсе представляют собой явление другого порядка:
введение царских эр в эллинистическом мире всегда было мерой государственно-
политического, а не хозяйственного плана. Строго говоря, вообще неизвест-
ны надежные примеры добровольного «заимствования» каким-либо эллинисти-
ческим монархом эры у более высокого по рангу соседа: это автоматически ста-
вило бы первого в несколько приниженное положение. Уже, исходя из этого,
логично связывать введение новой эры в Понте именно с деятельностью Мит-

⁹¹ Поскольку надежно доказано, что Алким был магистратом, назначенным царем
(*Самрыкин*. Понтийское царство. С. 210 с литературой), то эта надпись может считаться
близкой по содержанию и оформлению декрету в честь царского эпистата из вифинско-
го города Прусы (*Robert L. Etudes anatoliennes*. P., 1937. P. 228–235; *Die Inschriften von Pru-
sa ad Olympum* / IK. Bd 39. T. 1 / Hrsg. von Th. Corsten. Bonn, 1991. № 1. S. 7–10). Следова-
тельно, появляется еще один аргумент в пользу того, что вифинская надпись датирована
по царской, а не по «городской» эре. См. о сути этой проблемы: *Габелко О.Л.* «Прокон-
сульская эра» и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды //
Studia historica. П. М., 2002. С. 102–104.

⁹² Этого мнения придерживается большинство исследователей вслед за издателем
надписи Р.Х. Лепером (см. прим. 89 – за исключением работы В. Лешхорна). Кроме то-
го, появление «вифинской эры» обычно обнаруживают на тетрадрахме Митридата V,
датированной 173 г. (*Robert L. Monnaies et texts grecques*. II: Deux tetradrachmes de Mithri-
date V Evergète, roi de Pont // *JS*. 1978. July / Sept. P. 160–163).

⁹³ См., например, критику этого мнения Б. Макгингом и В. Лешхорном (*McGing*.
The Kings of Pontus... 257–259; *Leschhorn*. Op. cit. P. 84–85).

⁹⁴ См. прим. 93.

⁹⁵ О «финансовом могуществе», с точки зрения автора говорит, вероятно, способ-
ность Никомеда оплатить долги князя в обмен на знаменитую статую Афродиты (*Plin*.
NH. VIII. 12; XXXVI. 21). Однако сейчас доказано, что эту информацию следует отно-
сить к Никомеду I (*Corso A. Nicomede I, Dedalsa e le Afroditi nude al bagno* // *Numismatica e
Antichità classiche. Quaderni ticinesi*. 1990. T. XIX. P. 135–160), что существенно снижает
надежность выводов Г. Перла.

⁹⁶ *Перл*. Ук. соч. С. 68. В другом месте своей работы исследователь резонно замеча-
ет, что «еще такого мероприятия (введения “вифинской” царской эры. – О.Г.) для Ев-
патора цели очевиднее, чем для Эвергета» (Там же. С. 42. Прим. 10). Точка зрения об
«экономической подоснове» заимствования Митридатом V «вифинской эры» высказы-
валась и раньше: *Reinach*. *Numismatique ancienne...* P. 133; *Bennet W.H.* *The Death of Sertori-
us and the Coin* // *Historia*. 1961. Bd X. Ht 4. P. 461. См. также *Olshausen*. Op. cit. Sp. 403.

ридата Евпатора, ознаменовавшей новый этап в истории Понтийского царства в целом (об этом подробнее см. далее).

Может ли служить аналогией, в какой-либо мере доказывающей возможность использования селевкидской эры в Понте, ее применение в Пергаме, зафиксированное лишь единожды – в договоре Эвмена I с наемниками, где упоминается освобождение воинов от налогов, «как в 44-м году» (OGIS 266, сткк. 10–11)? Если считать от 312 г., это событие должно быть отнесено к 269/268 г., т.е. ко времени правления Филетера. Его статус по отношению к Селевкидам в тот момент определить затруднительно, однако наиболее вероятным кажется существование формальной зависимости Пергама от Селевка Никатора и Антиоха I на протяжении всего периода 283–263 гг.⁹⁷ Такое предположение позволяет думать, что селевкидское летосчисление было в Пергаме в ходу только при Филетере, во время сохранения номинального подчинения Пергама сирийским властям, тогда как Эвмен I, одержавший победу над Антиохом Сотером (Strabo. XII. 4. 2) и обеспечивший фактическую самостоятельность своего государства, от него отказался: сам договор никак не датирован, а 44-й год упоминается лишь ретроспективно. В дальнейшем пергамские цари практиковали обычную систему датировки по годам правления того или иного монарха (см., например: OGIS 268, сткк. 1–2; 325, сткк. 1–2). В этом случае употребление селевкидской эры малоазийским правителем должно расцениваться именно как средство и показатель контроля Селевкидов над зависимым династом⁹⁸. Это соответственно резко снижает вероятность применения данной системы летосчисления в независимом Понтийском царстве.

Налицо противоположная практика, например, случай «навязывания» собственной эры, имевший место и во взаимоотношениях между вифинскими полисами, когда принятая в Никее система летосчисления, берущая начало в 282/281 г., была распространена и на другие города⁹⁹, хотя эта аналогия, конечно, весьма относительна. Наиболее же показательный пример – введение вифино-понтий-

⁹⁷ См. обзор литературы и аргументацию: *Kobes. Op. cit. S. 133–134; Габелко. Династическая история...*

⁹⁸ Сошлюсь на мнение известного специалиста по истории Селевкидов проф. А. Мелля (Галле), высказанное в частном письме ко мне: «Селевкидская эра использовалась только в Селевкидской империи. Существует лишь одно исключение: селевкидская эра задиславалась также в отдельных регионах, которые в течение определенного времени принадлежали Селевкидам, а потом стали независимыми или вошли в состав других государств и империй... В понтийском регионе Малой Азии Селевкиды (Селевк I в последние месяцы своего правления и Антиох I в первые годы) никогда не имели прочных позиций, и поэтому, я полагаю, нет надежных оснований считать, что селевкидская эра когда-либо применялась в этом регионе». Это целиком подтверждается итоговыми данными по употреблению селевкидской эры в Анатолии (*Leshhorn. Op. cit. S. 336–338*); серьезные сомнения вызывают включение в этот ряд Понта (договор с Херсонесом и надпись из Абонутейха), как у В. Лешхорна, и перечисление здесь надписей из округа Триглия/Мирлеи/Апамеи (Вифиния) (см. *Die Inschriften von Apameia (Bithynien) und Pylai / IK. Bd 32 / Hrsg. von Th. Corsten. Bonn, 1987. № 33–35. S. 52; Corsten Th. Über die Schwierigkeit, Reliefs nach Inschriften zu datieren // IstMitt. 1987. Bd 37. S. 192–193*), что очень слабо согласуется с исторической ситуацией III–II вв.: в этом районе Селевкиды никогда не имели никакого политического влияния. Датировка этих рельефов по «вифинской» царской эре представляется гораздо более вероятной. См. об этом: *Габелко. «Проконсульская» эра...* С. 101–102.

⁹⁹ Там же. С. 97–107.

ской («совместной» к тому времени!) эры Митридатом VI на Боспоре, уже вошедшем к тому времени в состав державы Евпатора¹⁰⁰.

Вернемся к надписи из Абонутейха. Б. Макгинг, следуя М.И. Ростовцеву¹⁰¹, предложил датировать ее, равно как и монету Митридата V, по эре Селевкидов¹⁰². Это, кажется, не создает никаких натяжек с точки зрения фактологии и хронологии, хотя возражения, высказанные выше относительно хождения селевкидской системы летосчисления в Понтийском царстве, по-прежнему остаются действенными. Тем не менее попытки датировать обе надписи по одной эре выглядят вполне оправданными с методической точки зрения, поскольку диктуются стремлением не усложнять и без того запутанную ситуацию с многочисленными «понтийскими эрами»¹⁰³. Если исходить из этой логики и датировать декрет из Абонутейха также по «эре Кимиатены», то он должен быть отнесен к октябрю 154 г. или 153 г., а тетрадрахма Митридата Эвергета – к 142 или 141 г.¹⁰⁴ Все эти даты выглядят вполне возможными.

Наконец, крайне важным и специфическим видом надписей, вносящим дополнительную (крайне противоречивую!) информацию в вопрос о понтийском летосчислении, являются синопские датированные амфорные клейма. На сегодняшний день обнаружено семь таких штампов: три с датой Θ καὶ Ρ (109), один – ΒΙΡ (112), два – ΓΙΡ (113), один – ΒΚΡ (122)¹⁰⁵. Впервые, насколько известно, к их рассмотрению обратился Б.Н. Граков, предложивший датировать их по вифино-понтийской эре¹⁰⁶. Впоследствии в работе В.И. Цехмистренко было высказано положение о связи прекращения магистратского клеймения в Синопе с захватом города Фарнаком I, который он, как и другие исследователи, отнес к 183 г. Поскольку ряд клейм керамевсов давал при таком допущении более ранние даты, он высказал предположение о функционировании в полисе некоей ближе нам неизвестной местной эры¹⁰⁷. Ныне В.И. Кац предлагает относить

¹⁰⁰ Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33. Декрет в честь наемников из Фанагории автор датирует 210 г. вифино-понтийско-боспорской эры (88/87 г.). Введение данной системы летосчисления на Боспоре Митридатом было облегчено тем, что принятие царского титула правителями Вифинии, Понта и Боспора произошло, вероятно, в одном и том же 297 г., а сам Митридат был законным преемником последнего Спартокида (Габелко, Завойкин. Ук. соч. С. 79–80). При этом необходимо отметить, что весьма интересные возможности открываются и при проверке версии об использовании «эры Кимиатены» в фанагорийском декрете, но это – сюжет отдельной работы, подготавливаемой к печати.

¹⁰¹ Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A. Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // *CAH*. Vol. IX. 1932. P. 217–218.

¹⁰² McGing. The Kings of Pontus... P. 255–259. Cp. Sirobel K. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der hellenistischen Welt // *Orbis Terrarum*. 1996. Bd 2. S. 152. Anm. 37 – здесь датировка надписи по селевкидской эре принимается как доказанный факт.

¹⁰³ Г. Перл отмечал, возражая М.И. Ростовцеву, что ситуация, в которой Фарнак использовал бы эру с началом в 336/335 г., Митридат V – селевкидскую, а Митридат VI – вифинскую, выглядит крайне странно (Перл. Ук. соч. С. 40–41. Прим. 10).

¹⁰⁴ Остается неясным, что именно побудило Митридата V указать датировку на монетах этого года.

¹⁰⁵ См. полную информацию: Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Клейма Синопы с датами // РА. 1992. № 2. С. 136. Рис. 1 и табл. на с. 138.

¹⁰⁶ Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. Л., 1928. С. 154. К сожалению, никаких аргументов в пользу такой возможности ни Б.Н. Граков, ни его последователи не привели.

¹⁰⁷ Цехмистренко В.И. Из истории изучения синопских керамических клейм // Уч. зап. Марийского ГПИ. Йошкар-Ола, 1967. С. 264.

клейма с датами к периоду 189–183 гг., пересматривая традиционный момент подчинения Синопы Понту¹⁰⁸. Последнее предположение выглядит довольно интересным, но крайне уязвимым, поскольку требует допущения, что в Понтийском царстве в первой половине II в. наряду с «эрой Фарнака» (или вместо нее?) использовалась и «вифино-понтийская» система летосчисления, от которой Фарнак впоследствии отказался (о чем свидетельствует договор с Херсонесом, как бы его ни датировать). Разумеется, можно предположить, что Митридат I Ктист ввел эру, синхронную с вифинской, в том же 297 г., когда принял царский титул (см. прим. 28), хотя не может быть полной уверенности в возможности учреждения царской эры по тем же соображениям «династического престижа», что и принятие царского титула, как правило, начало эры связывалось все же с конкретным событием. Но весьма странной кажется возможность того, что тот же Фарнак спустя какое-то время сменил эту систему летосчисления на иную, задействованную в договоре с херсонеситами, после чего он либо кто-то из его преемников вернулся к прежней эре¹⁰⁹, хотя, если вдуматься, использование в Понте эры, восходящей к 336 г. в свете всего вышесказанного выглядит ничуть не более вероятным.

Иной взгляд на эту проблему был предложен С.Ю. Сапрыкиным и Н.Ф. Федосеевым. По их мнению, начало датировки клейм было положено захватом понтийцами синопской хоры, где находились керамические мастерские, что повлекло за собой перемены в гончарном производстве полиса: появление дат и отказ от указания на клеймах имени астиномов. Эра, которая фигурирует на этих клеймах, по их мнению, селевкидская, соответственно клейма с датами относятся к периоду от 203/202 до 190/189 г.¹¹⁰

Как видно из приведенного здесь краткого обзора, разброс мнений относительно природы синопской эры чрезвычайно велик. Представляется, что пока ни одна из предложенных гипотез не может считаться предпочтительной. Важ-

¹⁰⁸ Кац В.И. Современное состояние хронологии синопских амфорных клейм // Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников. Ч. 2. СПб., 2004. С. 37–38. Кажется необходимым подчеркнуть, что, говоря словами этого исследователя, «разобраться, насколько реален 183 г. как дата захвата этого города (Синопы. – О.Г.) Фарнаком» (с. 37) должны все же не только специалисты по керамической эпиграфике, как призывает В.И. Кац, но и историки. А в этой перспективе значительно более ранний, чем считалось, момент подчинения Синопы Понту пока что выглядит очень спорным. Исходя из сложившейся в Малой Азии международной ситуации, можно было бы допустить завоевание Синопы Фарнаком за год–два до начала Понтийской войны, но шестилетний разрыв между этими событиями кажется чрезмерным. Полибий (XXIII. 9. 3) и Ливий (XL. 2. 6) совершенно недвусмысленно свидетельствуют, что родосские послы жаловались в сенате в 182 г. на «несчастье синопейцев», имевшее место, судя по контексту, совсем незадолго до этого визита. Более раннее родосское посольство посетило Рим в 189 г. (Polyb. XXI. 17. 12; 18), т.е. вроде бы уже после предполагаемого В.И. Кацем подчинения Синопы Фарнаком, но единственной целью этого визита Полибий обозначает поздравление по поводу победы над Антиохом III: вопрос о Синопе в это время не поднимался. Ни сам В.И. Кац, ни румынский исследователь Н. Коновичи, на работу которого он ссылается (Conovici N. Problemes de la chronologie des timbres sinopeens // Pontika. 1997. T. XXX. P. 154), никаких убедительных аргументов в пользу этого не представили. Возражения против концепции В.И. Каца: Федосеев Н.Ф. К дискуссии о хронологии синопских керамических клейм // Боспорский феномен... Ч. 2. С. 40–51. В этих же статьях приведена полная историография вопроса.

¹⁰⁹ Следует отметить, однако, что в чисто исторических работах такой вариант вовсе не рассматривался, и потому изыскания специалистов по керамической эпиграфике следуют только приветствовать.

¹¹⁰ Сапрыкин, Федосеев. Ук. соч. С. 137–141.

но, однако, подчеркнуть, что данная система летосчисления вряд ли может быть связана с какой бы то ни было эрой, имевшей хождение в Понтийском царстве: скорее всего, в период появления датированных клейм Синопа все еще сохраняла независимость, и соответственно синопская эра к рассматриваемому здесь предмету непосредственного отношения не имеет. Это, возможно, заставляет с большим вниманием отнестись к старой гипотезе В.И. Цехмистренко.

Завершая рассмотрение вопроса о смене эр в истории Понтийского царства, необходимо выяснить причины, которые могли бы заставить Митридатидов перейти на использование «вифинской» царской эры. Отсчет лет по ней появился на монетах Митридата VI Евпатора: самые ранние из его тетрадрахм датируются 202 г., самые поздние – 231 г.; известны также датированные драхмы и золотые статеры¹¹¹. Переход на эру соседнего государства состоялся, таким образом, в 96/95 г., и это нельзя признать случайным. К данному времени союз между Митридатом и Никомедом III Вифинским, заключенный в последнее десятилетие II в.¹¹², уже был разорван, и Понт с Вифинией вступили в полосу ожесточенного соперничества. Поэтому принятие «вифинской эры» Митридатом расценивалось как акция, однозначно враждебная Вифинии и знаменующая масштабные территориальные притязания Евпатора в Азии¹¹³. Этот в сущности простой вывод отчетливо сформулирован не так давно¹¹⁴, поскольку специалисты оказались вынуждены частично скорректировать собственную точку зрения: ведь, согласно их взглядам, ранее в Понте использовалась селевкидская эра, что было показателем существования хороших отношений между двумя государствами! Действительно, использование представителями одной и той же династии «чужой» системы летосчисления вначале как проявление дружбы (с Селевкидами), а затем как знак агрессивных притязаний (на Вифинию) вызывает определенное недоумение, но, если считать, что «вифинская эра» в Понте в связи с необходимостью акцентировать смену политических приоритетов пришла на смену не заимствованной селевкидской, а исконно понтийской «эре Ки-миатены», то никаких противоречий не возникает.

Конкретным поводом, побудившим Митридата Евпатора перейти на «вифинскую эру», иногда называют воцарение в Армении Тиграна II, с которым понтийский властитель заключил династический и военно-политический союз, направленный против Вифинии и Каппадокии¹¹⁵. Это не лишено смысла. Однако

¹¹¹ См. наиболее полную сводку информации: *Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 4-51.

¹¹² Литература об этих событиях поистине необъятна, ограничусь ссылкой на одну из наиболее обстоятельных работ: *Strobel. Mithridates VI Eupator...* S. 160-171.

¹¹³ Показательную аналогию, остававшуюся до сих пор почти без внимания, представляют монеты Тиграна II Армянского: выпуски его тетрадрахм в 72/71-70/69 гг. датируются по селевкидской эре, поскольку именно в эти годы он вел кампании по завоеванию коренных владений сирийских царей (*Callataÿ. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 226; об этих событиях в целом см. подробнее: *Манисерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982. № 2. С. 122-140*). Возможно, армянский монарх следовал в этом отношении Митридату VI, своему родственнику и союзнику.

¹¹⁴ Впервые такое мнение высказано Ф. Поллак (*Pollak Ph. A Bithynian Hoard of the First Century B.C. // ANSMN. 1970. Vol. 16. P. 52*), но воспринято оно было далеко не сразу. Наиболее подробно его аргументируют Б. Макгинг и В. Лешхорн (*McGing. The Kings of Pontus...* P. 259; *Leschhorn. Op. cit. S. 85-86*).

¹¹⁵ *Glew D.G. Mithridates Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum. 1977. Vol. LV. P. 390; McGing. The Foreign Policy...* P. 76-77; *Leschhorn. Op. cit. S. 85.*

не так давно были получены нумизматические свидетельства, позволяющие теснее увязать перемену в монетном деле Понта с событиями в самой Вифинии. Изменение в монограммах и стиле исполнения вифинских тетрадрахм в 202 г. виф. э. (= 96/95 г.) бельгийский исследователь Ф. де Каллатай предложил объяснить смертью Никомеда III Эвергета¹¹⁶, которую ранее обычно датировали годом позже (без надежных, впрочем, оснований). Тем самым Митридат недвусмысленно заявил о своем намерении добиться подчинения Вифинии, чего он вскоре практически и достиг, изгнав нового царя Никомеда IV Филопатора и возведя на престол его сводного брата, своего ставленника Сократа Хреста (Grap. Lic. XXXV. 29–30. Ed. Flemisch; Just. XXXVIII. 3. 4; 5. 8; App. Mithr. 10; Memn. FGrH 434, F 22. 5).

Принятие «вифинской» царской эры стало отнюдь не единственным нововведением Евпатора в этой области: при нем зафиксирована также эра, связанная с захватом римской провинции Азия¹¹⁷; счет по новой системе летосчисления появляется и на афинских тетрадрахмах «нового стиля» во время пребывания Афин в подчинении у понтийского царя¹¹⁸. Наконец, особо должно быть отмечено первое свидетельство такого рода – практически необъясненный до сих пор факт единичного появления датировки монет не по годам правления, а по некоей эре на монетах каппадокийского царя Ариарата IX Евсевия Филопатора¹¹⁹. Некоторые из чеканенных от его имени драхм и тетрадрахм датированы 200-м годом (Σ), что, если предполагать использование здесь «вифинской эры», дает 98/97 г., т.е., вне всякого сомнения, 3-й год его правления¹²⁰. Ни до, ни после такая система летосчисления в Каппадокии не действовалась: все остальные монеты Ариарата IX Евсевия датированы по годам его правления. Это заставляет связать применение «вифинской эры» в данном случае с каким-то значительным событием. Разумеется, введение этой датировки на каппадокийских монетах никак не может быть связано с собственно вифинской политической традицией, и это побуждает искать причины ее введения в истории понтийской династии, представителем которой Ариарат IX Евсевий фактически являлся. Ответ, пожалуй, лежит на поверхности: эти монеты, скорее всего, представляют собой своего рода «юбилейный выпуск», приуроченный к 200-летию провозглашения царем Митридата Ктиса!¹²¹ Тем самым данные нумизматические материалы косвенно (но, как представляется, довольно надежно) подтверждают предлагаемую выше (см. прим. 28) датировку воцарения Митридата I. Они также демонстрируют, что введение новой системы летосчисления в самом Понте было Евпатором хорошо продумано и подготовлено. Так что использование эры вифинских царей стало первым его шагом по реформированию летосчис-

¹¹⁶ Callatay. Les derniers rois de Bithynie: problemes de chronologie // RBN. 1986. T. CXXXII. P. 22; idem. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 80.

¹¹⁷ О ней см. Leschhorn. Op. cit. S. 91–94; Callatay. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 23, 40, 286.

¹¹⁸ Callatay. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 303–313.

¹¹⁹ Напомним, что он являлся сыном Митридата Евпатора и был возведен им на каппадокийский престол ок. 100 г. до н.э. в восьмилетнем возрасте, так что его монетное дело, разумеется, первоначально полностью контролировалось отцом.

¹²⁰ О монетах Ариарата IX в целом см. Callatay. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 200–209; конкретно о названных типах. P. 202, 272.

¹²¹ Быть может, не случайно, что, начиная со следующего, 4-го года правления, монеты Ариарата Евсевия меняют стилистику изображения, ориентируясь на собственно понтийские образцы (Callatay. L'Histoire des guerres Mithridatiques... P. 272).

ления в собственно Понте и во вновь завоеванных государствах, что следует расценивать как показатель резкой активизации политической жизни царства и как энергично эксплуатируемый Митридатом элемент его пропаганды. И сам факт смены эр в истории Понтийского царства должен быть связан именно с деятельностью энергичного реформатора Митридата VI Евпатора, а не его отца, в этом качестве себя никак не проявившего.

Теперь необходимо вернуться назад и решить последнюю задачу: высказать-ся относительно времени правления Фарнака I, Митридата IV Филопатора Филладельфа и Митридата V Эвергета и детально выяснить, не вступают ли в противоречие предложенные здесь построения с теми хронологическими реперами, которые фиксируются в их царствования. Точнее нужно определить *termini post quem et ante quem* пребывания на престоле Митридата IV. О правлении этого царя вообще известно крайне мало: достаточно сказать, что мы не располагаем ни одним сообщением письменной традиции, которое могло бы быть надежно связано с ним (о нумизматических данных уже было сказано выше). Исходя из предлагаемой здесь трактовки эпиграфических памятников, период царствования Митридата IV укладывается в промежуток между 161 и 157 годами «эры Кимиатены», что должно примерно соответствовать периоду после мая 158 или 157 г. по октябрь 154 или 153 г. Это те границы, за которые правление Филопатора выходить не может; но нельзя исключить, что оно занимает не весь указанный хронологический интервал.

Последним обстоятельством нельзя пренебрегать. В одной из недавних работ правление Митридата IV датируется периодом 159–150 гг.¹²², с чем, однако, трудно согласиться. Последним памятником, документирующим правление Фарнака, долгое время считался афинский декрет с Делоса в его честь, датируемый 160/159 г. (ID 1497b = IG XI. 1056 = OGIS 771), а первое упоминание о правлении Митридата Эвергета связано с отправкой им вспомогательных сил на помощь римлянам в начавшейся Третьей Пунической войне (App. Mithr. 10). Но отсюда отнюдь не следует, что Фарнак умер именно в год принятия афинского декрета и не позже, а Митридат V Эвергет поддержал Рим непосредственно в год своего воцарения¹²³. Единственный эпиграфический источник, связанный с правлением Митридата IV, – посвящение им в храм Юпитера на Капитолии в Риме (CIL I². 730 = CIL VI. 30922a = IG XIV. Add. 986a = IGUR I. 9 = OGIS 375), выполненное, согласно данным наиболее авторитетных исследований, в 160–155 г.¹²⁴ И этот не слишком четкий временной интервал при ближайшем рассмотрении оказывается *единственной* хронологической привязкой, впрочем, тоже не слишком надежной. В любом случае, период царствования Митридата IV оказывается довольно кратковременным.

Относительно конечной даты правления Фарнака выдвигались следующие предложения¹²⁵: 170/169 г., на основании фрагмента Полибия (XXVII. 17) – ха-

¹²² Сапрыкин. Понтийское царство. С. 36. В других местах монографии исследователь высказывается не столь категорично (с. 86, 92).

¹²³ Ср. Там же. С. 104: «...деятельность Эвергета ранее 149 г. не зафиксирована». Однако этот год, разумеется, не может считаться надежным *terminus post quem* для правления Митридата V: гораздо важнее знать верхний временной предел правления его предшественника, а такой информацией мы, к сожалению, не располагаем.

¹²⁴ Larsen J.A.O. The Araxa Inscription and the Lycian Confederacy // CPh. 1956. Vol. 51. № 3. P. 157–159; Robert J., Robert L. Bull. epigr. 1958. Vol. 71. № 550. P. 355–356; Mellor R. The Dedication on the Capitoline Hill // Chiron. 1978. Bd 8. P. 319–330; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 88.

¹²⁵ См., например: Tracy. Op. cit. P. 307. Not. 19.

рактеристики понтийского монарха как незаконнейшего из царей ("Ἐκ τῆς Φαρνάκης πάντων τῶν πρὸ τοῦ βασιλέων ἐγένετο παρανομώτατος"), где подводится итог его политической деятельности и жизни¹²⁶; после 160/159 г., исходя из оставшейся на протяжении многих лет общепринятой датировки упоминавшегося выше делосского декрета¹²⁷; ок. 162 г., по нумизматическим данным¹²⁸; весна 155 г., базируясь на датировке понтийско-херсонесского договора, предложенной С. Берстайном и Б. Макгингом. Вторая и четвертая даты являются «открытыми», поскольку не указывают на смерть царя, но фиксируют только последний известный хронологический пункт его правления. Рассмотрим более подробно каждую из этих гипотез.

Первая из них, самая старая, не может считаться надежной, так как имеется немало других близких по форме высказываний Полибия, отнюдь не связанных хронологически со смертью тех исторических лиц, которым они были посвящены¹²⁹. Относительно недавно к ней вернулся английский эпиграфист С. Трейси¹³⁰, проведший тонкий эпиграфический анализ делосского декрета в честь Фарнака и его жены Нисы и выдвинувший целый ряд аргументов в пользу датировки надписи 196/5 г. Тем самым позиция второй версии существенно поколебалась, а сама эта надпись оказывается не самым поздним, а, наоборот, самым ранним свидетельством о царствовании Фарнака! Взгляд исследователя на эту проблему весьма любопытен, но нельзя не отметить неодинаковость внимания (и соответственно уровня доказательности), уделяемого им данному памятнику в сравнении с другими датирующими документами, имеющими самое непосредственное отношение к разбираемым здесь вопросам¹³¹. Тем более, что сам С. Трейси, как было сказано ранее, придерживается мало обоснованного мнения о смерти Фарнака в 170/169 г. Это, на мой взгляд, по-прежнему оставляет проблему верхнего предела правления Фарнака нерешенной.

Гипотеза известного нумизмата Г. Маттингли основана на изучении селевкидского клада монет, где обнаружены три экземпляра редких монет Митридата IV первых выпусков. Исследователь предположил, что они могли входить в состав имущества вдовы Фарнака I, Нисы, которая, потеряв мужа, вернулась в Сирийское царство, где в это время правил Деметрий I. Надежная датировка клада концом 160-х годов позволяет Г. Маттингли отнести смерть Фарнака I примерно к 162 г.¹³²

Этому взгляду нельзя отказать в оригинальности, но он основан на трудно доказуемом положении, будто после смерти царей каких-либо эллинистических государств их жены, если они имели селевкидское происхождение, должны были возвращаться «домой»¹³³. Самый показательный пример противоположного свойства – активная политическая деятельность в Понте царицы Лаодики, доче-

¹²⁶ Meyer Ed. Op. cit. S. 81; Reinach. Mithridate Eupator... P. 34.

¹²⁷ Например: Сапрыкин. Понтийское царство. С. 86.

¹²⁸ Mattingly. Op. cit.

¹²⁹ См. список таких примеров: Ibid. P. 256. Not. 10. К тому же эта характеристика слишком краткая и, ввиду отсутствия контекста, не может считаться типичным *laudatio*.

¹³⁰ Tracy. Op. cit.

¹³¹ Так, критическому разбору прежних датировок посвящения Митридата IV Филопатора Филадельфа в Рим уделяется один абзац из нескольких строк и два небольших примечания (Ibid. P. 309; Not. 31–32), а договору Фарнака с Херсонесом и вовсе одна фраза, завершающаяся категоричным и ничем не аргументированным замечанием, что предлагаемая С. Берстайном поздняя датировка не может быть правильной (Ibid. P. 306. Not. 15). Едва ли такой лаконизм уместен в данном случае.

¹³² Mattingly. Op. cit. P. 257–258.

¹³³ Не вполне понятно, считает ли Г. Маттингли такую практику общепринятой.

ри Антиоха IV Эпифана и жены Митридата V, после убийства ее мужа. Конечно, этот случай довольно необычен¹³⁴, но и эпизоды, предлагаемые Г. Маттингли в качестве иллюстраций, не вполне убедительны. Понятно, что после гибели Персея и крушения Македонского царства овдовевшей Лаодике не было никакого резона оставаться в Македонии. Что же касается Антиохиды из Каппадокии, то, памятуя характеристику, данную ей Диодором (καλοῦργον πόλιος — XXXI. 19. 7) и все предпринимаемые ею дворцовые интриги (ibid.), не будет слишком большой натяжкой предположить, что она была вынуждена вернуться на родину, оказавшись явной persona non grata из-за чересчур активного стремления играть особую роль при каппадокийском дворе¹³⁵. Отъезд Нисы из Понта после смерти мужа выглядит только предположением, и соответственно датировка смерти Фарнака, предлагаемая Г. Маттингли, не кажется надежной. О мнении С. Берстайна и его сторонников уже неоднократно говорилось выше, и главным возражением против него кажется крайне небольшая вероятность использования селевкидской эры в Понте вообще.

Таким образом, имеющаяся в нашем распоряжении информация не позволяет прийти к однозначному выводу относительно года смерти Фарнака I Понтийского. Для цели данного исследования, однако, существенно, что нет надежных оснований к тому, чтобы оспаривать предлагаемую дату его соглашения с Херсонесом по «эре Кимнатены» — май 158 г. или 157 г. В это время Фарнак еще вполне мог быть жив; посвящение же на Капитолий было совершено его братом вскоре после его смерти, что вполне соответствует распространенной в эллинистическом мире практике подтверждения или возобновления наиболее значимых межгосударственных соглашений непосредственно сразу по восшествии на престол нового правителя¹³⁶.

Единственным репером правления Митридата IV, отмеченным в нарративных источниках, считают обычно зиму 155/154 г., когда, согласно Полибию, в войну между Прусьем II Вифинским и Атталом II Пергамским вступили также «Ариарат и Митридат, как союзники его (Аттала. — О.Г.)», которые «доставили конное и пешее войско под начальством Деметрия¹³⁷, сына Ариарата» (XXXIII.

¹³⁴ Имя матери Евпатора иногда оспаривается, но ее принадлежность к Селевкидам сомнений не вызывает. Не исключено, что она сама была причастна к организации заговора против своего мужа, чем и объясняются ее ведущая роль в управлении государством после его гибели в том числе, как обосновывалось выше, и самостоятельный монетный чекан. См. Сапрыкин. Понтийское царство. С. 121–122 с библиографией.

¹³⁵ См. подробнее о ситуации при каппадокийском дворе в это время: Günther L.-M. Kapadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I // AMS. Bd 16. Studien zum antiken Kleinasien III. Bonn, 1995. S. 53–55 (в заголовке статьи допущена опечатка: должно быть — Antiochos' III).

¹³⁶ Вопрос о том, кто же именно из понтийских царей первым стал римским союзником, остается открытым. В пользу Фарнака свидетельствует фраза о дружбе с римлянами из его договора с Херсонесом. С.Ю. Сапрыкин полагает, что «уже Фарнак I установил дружественные связи с Римской республикой... но в союз с нею не вступил» (Понтийское царство. С. 88). О значении терминов φιλία/amicitia см. Смыков Е.В. Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. 2000. С. 324–327 (с литературой). В любом случае, Аппиан, судя по всему, не точен, когда говорит, что первым из понтийских царей в дружбу с римлянами вступил Митридат V (Mithr. 10).

¹³⁷ Этот персонаж тоже заслуживает отдельного внимания. Обычно его считают сыном тогдашнего царя Ариарата V; см., например: Habicht Ch. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. 1956. Bd 84. S. 107. Однако Й. Хопф убедительно показал, что тот был еще слишком молод, чтобы иметь сына, способного руководить войсками. Поэтому Деметрия следует считать сыном Ариарата IV, возможно, от другого брака (Hopp. Op. cit. S. 77. Anm. 102).

12. 1). Не исключено, что это и так; однако у нас не может быть абсолютной уверенности в том, что упомянутый Митридат – именно Филадельф, а не Эвергет, на что обращал внимание уже Р.Х. Лепер¹³⁸.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что на протяжении III–II вв. в Понтийском царстве счет лет велся по «эре Кимиамены», начало которой приходилось на 315 или 314 г. и было связано с утверждением политического господства Митридата I Ктиса в Пафлагонии. Только в 96/95 г. эта система летосчисления была заменена Митридатом VI Евпатором на «вифинскую» царскую эру. Соответственно появляется возможность уточнить время жизни и правления четырех царей Понта: Митридат I Ктис умер в 261 г., Фарнак I – приблизительно после 158–157 гг., Митридат IV Филопатор Филадельф правил ок. 158–157 – 154–153 гг., Митридат V Эвергет уже был на престоле осенью 154 г. или 153 г. Все эти реконструкции, разумеется, носят предположительный характер и не могут считаться надежно доказанными до обнаружения новых свидетельств; однако они снимают ряд противоречий, содержащихся в более ранних концепциях и могут рассматриваться по крайней мере как некий «параллельный вариант» уже установившимся в науке взглядам, который, надеюсь, способен привлечь внимание специалистов. Во всяком случае, можно рассчитывать, что в последующих исследованиях словосочетание «эра Кимиамены» будет уже употребляться без вычкы либо станет именоваться просто понтийской царской эрой.

CRITICAL NOTES ON THE CHRONOLOGY AND DYNASTIC HISTORY OF THE KINGDOM OF PONTUS

O. L. Gabelko

The question of the system of chronology used in Pontus in the 3rd–1st cc. BC is still under discussion, the data of the sources being very contradictory. The author of the paper puts forward a hypothesis that originally in the Kingdom of Pontus they used a «royal era» made after the Seleucids' model; it began in 314 or 313 BC and was connected with the flight of Mithridates I Ctistes, son of Ariobarzanes, to Paphlagonia, when Pontus began its *de facto* independent existence. The system seems to have been created by Mithridates I in 297/296 BC when he assumed the royal title following the example of Zipoites of Bithynia. This may be proved by the Cappadocian coins dated with the year 200 and minted in the third year (98/97 BC) of the rule of Ariarthes IX Eusebius, Son of Mithridates Eupator; the coins must have been issued in commemoration of the bicentenary of Mithridates Ctistes' coronation. Obviously, Ctistes' 36-year reign must have begun in 297/296 BC; in which case his death followed in 261.

Two well-known epigraphic monuments seem to be dated according to the «era of Kimiata-na»: a treaty between Pharnaces and Chersonesus (IOSPE I² 402) and a decree from Abonutichos in honour of Alkimos (under Mithridates V Euergetes). Their dates based on this system (158–157 and 154–153 BC) are quite plausible, while other dates (according to some era beginning in 336 BC and to the Bithynian royal era respectively) do not look convincing. The author rejects the widespread opinion of western scholars that in these monuments the Seleucid era was used. Analysing various narrative, epigraphic and numismatic sources, he comes to the conclusion that Mithridates IV Philopator Philadelphus was ruling within three or four years and should be fitted into the period mentioned above.

It was not until 96/95 BC that the Bithynian royal era began to be used in Pontus. Coins with dates according to this era appeared under Mithridates VI Eupator, which was connected with the death of the Bithynian king Nicomedes III Euergetes and was meant to show Eupator's political claims for submitting the neighbouring state.

¹³⁸ Лепер. Херсонесские надписи. С. 30. В указателе к изданию Полибия Ф.Г. Мищенко этот царь также фигурирует под порядковым номером V (Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. III. СПб., 1995. С. 296). Из современных ученых такую возможность допускают А. Шервин-Уайт и В. Лешхорн, не делая, впрочем, из нее никаких выводов (Sherwin-White. Op. cit. P. 43. Not. 90; Leschhorn. Op. cit. S. 79).